ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
события, оценки, прогнозы

ISSN 2587-7518

Выпуск 56(72)
2020

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ЕВРОПЕ: ДОНОРСТВО И ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ОРГАНОВ
Дмитрий Михель

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ В БУДУЩЕМ
Армин Штайгис

УКРАИНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РУМЫНИИ: ДЕКЛАРАЦИИ И РЕАЛЬНЫЕ ШАГИ
Татьяна Биткова

РОЛЬ НОРВЕГИИ В ВОЕННОМ ПЛАНИРОВАНИИ НАТО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
Филипп Трунов

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

РАЗВИТИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ЕВРОПЕ: ДОНОРСТВО И ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ОРГАНОВ

Дмитрий Михель,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН

Аннотация. В статье анализируется недавняя история и современное состояние такой области европейского высокотехнологичного здравоохранения, как трансплантационная медицина. Используются нормативно-правовые документы Европейского союза, данные официальной медицинской статистики и материалы специальных исследований по вопросам донорства и трансплантации органов. Основное внимание уделяется вопросам общественно-государственной поддержки трансплантационной медицины, позволяющей обеспечивать высокий уровень практических результатов в сфере оказания высокотехнологичной медицинской помощи в странах Европы.

Показано, что важной составляющей европейского лидерства в области донорства и трансплантации органов является внимание к вопросам их морально-этического и нормативно-правового регулирования, проблемам организации донорского процесса и деятельность по получению социальной поддержки. Особое внимание уделяется изучению позитивного опыта, накопленного Испанией, которая на протяжении последних тридцати лет не только является мировым лидером в области донорства и трансплантации органов, но и придерживается наиболее эффективной модели организации донорской работы, а также проводит успешную работу по формированию позитивного общественного отношения к практикам донорства и трансплантации. Рассматривается также роль европейских организаций по обмену донорскими органами между странами и приводятся некоторые сведения о состоянии дел в сфере органного донорства в отдельных европейских странах. Делается общий вывод о важности достигнутого в странах Европы национального консенсуса по вопросам донорства органов между медицинскими профессионалами и обществом, без которого невозможно дальнейшее развитие трансплантационной медицины.

Ключевые слова: Европа; трансплантационная медицина; донорство и трансплантация органов; общественно-государственная поддержка; Испания.

Keywords: Europe; transplantation medicine; organ donation and transplantation; public support; Spain.

В последние несколько десятилетий развитие здравоохранения во всем мире характеризуется все большим значением различных сфер высокотехнологичной медицинской помощи, таких, как ядерная медицина, персонализированная медицина, микрохирургия глаза и др. Для большинства стран высокотехнологичная медицина является не только новым средством для оказания помощи своему населению, но и показателем успешности развития страны в целом, важным элементом национальной гордости и престижа. Новизна и масштаб задач, возникающих в этих областях, практически не имеют аналогов в прежней истории, поэтому закономерным становится изучение позитивного опыта, который накапливается теми, кому удалось более других продвинуться в рамках этого процесса.

Особое значение во многих странах придается такой области высокотехнологичной медицины, как трансплантационная медицина. Благодаря появлению новых хирургических методов, разработке иммуносупрессивных фармпрепаратов и приемов работы с биологическими материалами стало возможным оказывать помощь пациентам с тяжелыми хроническими заболеваниями жизненно важных органов, пересаживая им почки, сердце, печень, легкие, поджелудочную железу и тонкий кишечник. С середины 1980-х годов из экспериментальной медицинской практики трансплантация превратилась в рутинную медицинскую меру и стала широко применяться для оказания помощи всем категориям пациентов, включая детей и пожилых людей. Благодаря постоянному совершенствованию этой технологии врачам удалось продлить жизнь сотен тысяч пациентов по всему миру, но при этом с самого начала выяснилось, что развитие трансплантации столкнулось с чрезвычайно серьезным препятствием в виде дефицита донорских органов[1].

Для решения проблемы дефицита донорских органов медицинским сообществом широко применяются самые разные меры – используются разные формы донорства (посмертное и прижизненное), практикуются мультиорганные изъятия, разрабатываются все новые методы консервации органов и их восстановления. Однако одних только медицинских мер оказывается недостаточно. Для получения достаточного количества донорских органов требуется также серьезная государственная поддержка и поддержка со стороны всего

[1] Михель Д.В., Резник О.Н. Дефицит органов как глобальная проблема: культурные различия, неравенства и альтернативные стратегии самообеспечения // Социогуманитарные проблемы органного донорства: междисциплинарные исследования: сборник научных статей / под ред. О.Н. Резника. – М., 2018. – С. 11–58.

общества. Государственная поддержка в этой сфере направляется на нормативно-правовое регулирование донорства органов, противодействие незаконной торговле органами и трансплантационному туризму, пресечение криминальных посягательств на жизнь человека с целью использования его органов для трансплантации. Поддержка со стороны общества проявляется в моральном признании наиболее значимых для развития отрасли способов обеспечения медицинских учреждений донорскими органами, прежде всего посмертного донорства, а также целого ряда других аспектов донорской деятельности. В различных странах и частях света формы и способы этой поддержки имеют свою специфику, и следствием этого является то, какими темпами развивается там трансплантационная медицина и решается проблема преодоления дефицита донорских органов.

Весьма показательным в этом плане является опыт стран Европы, где развитию донорства и трансплантации органов уже многие годы уделяется повышенное внимание. Принимаемые там меры и практические шаги по общественно-государственной поддержке трансплантационной медицины дают значительные результаты, хотя говорить о полном успехе по-прежнему не приходится. По оценкам экспертов, в Европе в течение последних 5–10 лет почечная недостаточность увеличивается со скоростью 3–9% каждый год. При этом лист ожидания в большинстве центров трансплантации в европейских странах обычно в 2–3 раза превышает количество доступных органов. Отсутствие доступного донорского органа во многих случаях оказывается причиной ухудшения состояния пациентов, многие из которых умирают, не дожив до операции[1]. Тем не менее по количеству ежегодно выполняемых трансплантаций, числу спасенных жизней и уровню реальной донорской активности (количеству получаемых донорских органов на каждый миллион населения. – *Д. М.*) многие европейские страны сегодня являются мировыми лидерами, поэтому необходимо более серьезное изучение их опыта в этой области.

Этико-правовая основа донорства и трансплантации органов в Европе

Одна из важных составляющих европейского лидерства в области донорства и трансплантации органов – особое внимание к вопросам их морально-этического и нормативно-правового регулирования. Во всех европейских странах приняты законы, определяющие порядок донорства органов и(или) биологических тканей человека, используемых при трансплантации. Первые примеры законодательного регулирования восходят к 1970-м годам, однако в связи со стремительным развитием новых технологий, рутинизацией донорского процесса и острой нехваткой донорских органов, приведших к необходимости заново или более четко определить нормативно-правовую базу практик донорства и трансплантации органов, очередная волна принятия законов в европейских странах началась в 1990-е и 2000-е годы. Вот некоторые важные вехи в истории национального европейского законодательства о донорстве органов: Франция (1976), Норвегия (1976), Испания (Закон 1979 г., Королевский декрет 1999 г.), Швеция (1995), Германия (1997), Нидерланды (1998), Италия (1999), Финляндия (2001), Великобритания (2004), Дания (2005).

Во всех европейских национальных законодательствах особое внимание уделяется вопросу о режиме получения донорских органов. Вслед за США такие страны, как Великобритания, Германия, Нидерланды, Ирландия и Дания приняли в качестве правовой нормы принцип информированного согласия (informed consent) и лежащую в ее основе презумпцию несогласия. В соответствии с этим донорские органы не могут быть получены от посмертного донора, если при жизни им не было заявлено о готовности стать донором после смерти. Принцип предполагаемого согласия (presumed consent) и лежащая в его основе презумпция согласия присутствуют в законах Финляндии, Португалии, Австрии, Швеции, Чехии, Словакии, Венгрии, Польши; органы забираются у донора после смерти без выяснения согласия родственников, если не было достоверно (при наличии письменного отказа) известно о том, что донор не разрешил изымать органы после его смерти. Кроме того, этот принцип также присутствует в законах Испании, Италии, Франции, Бельгии, Люксембурга, Греции, но на практике вместо него используется принцип информированного согласия: врачи из этических соображений стремятся получать согласие на посмертное изъятие органов у родственников донора[2].

В последние несколько лет почти во всех европейских странах, где в законах присутствует принцип информированного согласия, набирает силу тенденция по изменению данной правовой нормы. Причиной этого является сокращение числа посмертных доноров и необходимость удовлетворить потребности растущего числа пациентов, ожидающих трансплантации. 26 января 2016 г. во Франции был принят новый закон о здравоохранении, в соответствии с которым с 1 января 2017 г. все умершие граждане старше 18 лет стали автоматически считаться донорами органов. Предыдущее условие о том, что врачи должны спрашивать членов семьи о намерении умершего человека о том, следует ли жертвовать органы, было отменено Кодексом общественного здравоохранения. Был также введен Национальный регистр отказов, в котором граждане, не желающие жертвовать свои органы в случае смерти, могут зафиксировать свое волеизъявление. По имеющимся данным, на начало 2017 г. этой возможностью воспользовалось 150 000 французов, которые приняли решение не становиться донорами в случае непредвиденного

[1] Proceedings of the 2nd workshop for the network of national focal points on transplant-related crimes, Strasbourg, 9–10 November 2017. – Strasbourg: Council of Europe, 2018. – 113 p. Mode of access: https://register.edqm.eu/freepub (date of access – 09.12.2019).

[2] Organ shortage: current status and strategies for improvement of organ donation. A European consensus document. – Council of Europe, 1998. – Mode of access: https://www.edqm.eu/sites/default/files/medias/fichiers/Organ_shortagecurrent_status_and_strategies_for_improvement_of_organ_donation_A_European_consensus_document.pdf (date of access – 20.12.2019).

смертельного исхода[1]. 13 февраля 2018 г. сенат Нидерландов принял новый закон о донорстве, который также предусматривает введение принципа предполагаемого согласия и регистра отказов для граждан и резидентов страны, не желающих соглашаться стать донорами в случае смерти. Согласно принятому закону, активная регистрация в регистре должна начаться летом 2020 г. До этих пор продолжает действовать старый закон о донорстве, согласно которому донором может стать только тот, кто явно выразил желание на сей счет[2]. 1 апреля 2019 г. новый проект закона о донорстве, подготовленный министерством здравоохранения, был представлен в парламент Германии. Как и во Франции и Нидерландах, в качестве правовой нормы в нем был представлен принцип предполагаемого согласия. По законопроекту, всех граждан Германии старше 16 лет в течение одного года проинформируют о донорстве, и, если от них не поступит возражений, они по умолчанию будут зарегистрированы как доноры. У данного законопроекта нашлись оппоненты: партия «зеленых» выдвинула альтернативный проект закона, в котором предложено сохранить добровольное донорство. В настоящее время парламентские дебаты о принятии нового закона по донорству органов в Германии продолжаются[3]. В отличие от Франции, Нидерландов и Германии в Великобритании предложение о переходе к новой правовой норме, касающейся предполагаемого согласия о посмертном донорстве, было выдвинуто раньше – в 2008 г., но при этом оно не нашло поддержки в парламенте страны. Идея разработчиков законопроекта состояла в том, чтобы не только отменить презумпцию несогласия, но и взять на вооружение более эффективную «испанскую модель» работы в сфере донорства и трансплантации. После того как специальная группа экспертов провела изучение вопроса со всех сторон, было принято решение оставить прежний закон о донорстве без изменений. Противники нововведения заявили о том, что британское общество не готово отказаться от традиционных подходов к донорству даже на фоне растущего дефицита донорских органов. Причиной отказа от принятия нового закона о донорстве стало также то, что его проект был выдвинут всего спустя четыре года после принятия британского Закона о тканях человека (2004) и спустя два годя после принятия аналогичного шотландского закона (2006)[4].

Нормативно-правовым регулированием вопросов донорства и трансплантации органов в Европе заняты не только национальные государства, но и наднациональные структуры, в частности Европейский союз в лице всех своих главных структур – Европейского совета (Совета Европы), Европейского парламента, Европейской комиссии. При Европейском совете действует особый рабочий орган – Европейский директорат по качеству лекарственных средств и здравоохранению (EDQM), который с 2007 г. занимается разработкой руководящих документов (резолюций) по вопросам донорства и трансплантации органов[5]. До Европейского директората разработкой таких документов (рекомендаций) занимался Европейский комитет по трансплантации органов ЕС. Европейский совет за последние четверть века принял целый ряд соглашений и конвенций, посвященных вопросам развития донорства и трансплантации, которые имеют силу закона для государств – членов Совета, ратифицировавших эти соглашения. Среди них особо следует упомянуть Конвенцию о правах человека и биомедицине (1997) и Конвенцию против торговли человеческими органами (2015). Рекомендации и резолюции, разрабатываемые ранее Комитетом, а теперь Директоратом, охватывают научные, образовательные, этические и социальные аспекты донорства и трансплантации органов. Рекомендации и резолюции формируют фонд основополагающих правил, которые принимаются к исполнению государствами – членами ЕС. В своей совокупности конвенции, соглашения, рекомендации и резолюции образуют этико-правовую основу для развития практик донорства и трансплантации органов на Европейском континенте, а также особый язык, посредством которого ведется обсуждение самых разных вопросов в сфере органного донорства и трансплантологии. Совокупность всех этих материалов в настоящее время находится в открытом доступе на сайте Европейского совета[6].

Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине) была принята в 4 апреля 1997 г. в г. Овьедо, Испания, и широко известна как Конвенция Овьедо. Ее основные положения вытекают из Всеобщей декларации прав человека (1948), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), Европейской социальной хартии (1961), Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966), Конвенции о защите физических лиц в отношении

[1] Eleftheriou-Smith L.-M. All French citizens are now organ donors unless they opt out: People must sign up to a refusal register if they do not want to be donors // Independent. – 2017. – January 4. – Mode of access: https://www.independent.co.uk/news/world/europe/french-citizens-organ-donors-france-opt-out-donation-hospital-healthcare-doctors-a7508576.html (date of access).

[2] New Dutch organ donation law will apply to everyone officially registered in NL // Dutch news.nl. – 2018. – February 14. – Mode of access: https://www.dutchnews.nl/news/2018/02/new-dutch-organ-donation-law-will-apply-to-everyone-officially-registered-in-nl/ (date of access – 20.12.2019).

[3] Панасенко Н. Вопрос обязательного донорства органов расколол Германию // Российская газета. – 2019. – 7 мая. – Mode of access: https://rg.ru/2019/05/07/donorstvo-organov.html (date of access – 20.12.2019).

[4] The potential impact of an opt out system for organ donation in the UK: an independent report from the Organ Donation Taskforce. – London, 2008. – 36 p.

[5] Кайтель С. Структура и функции Европейского директората по качеству лекарственных средств и здравоохранению (EDQM) // Вестник Росздравнадзора. 2010. – № 6. – С. 12–15.

[6] Legal framework. Council of Europe; European directorate for the quality of medicines and healthcare. – Mode of access: https://www.edqm.eu/en/legal-framework (date of access – 08.12.2019).

автоматизированной обработки данных личного характера (1981) и Конвенции о правах ребенка (1989)[1].

Статья 2 Конвенции устанавливает норму о приоритете прав человека: «Интересы и благо отдельного человека превалируют над интересами общества или науки». Вся глава 2 посвящена вопросам согласия. Одна из ее статей гласит: «Медицинское вмешательство может осуществляться лишь после того, как соответствующее лицо даст на это свое добровольное информированное согласие». Особо выделяются положения, касающиеся защиты лиц, не способных дать согласие, прежде всего детей, и лиц, страдающих психическими расстройствами. глава 6 специально очерчивает круг вопросов, касающихся изъятия органов для трансплантации: «Должно быть получено явно выраженное и конкретное согласие». Изъятие органов у лиц, не способных дать согласие, возможно лишь в исключительных случаях и при строгом соблюдении целого ряда условий – в соответствии с законом и с одобрения соответствующего органа. Статья 21 провозглашает важнейший этический принцип всей современной трансплантологии: «Тело человека и его части не должны в качестве таковых являться источником получения финансовой выгоды». Конвенция также предусматривает возможность возмещения неоправданного ущерба в случае вмешательства и санкции в связи с нарушением ее положений.

В ноябре 2001 г. Комитетом министров Европейского совета был подготовлен Дополнительный протокол относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения. Если Конвенция установила основные принципы защиты живых доноров, в том числе направленные против какой бы то ни было финансовой или сопоставимой с ней выгоды в результате использования человеческого тела или частей тела, то Дополнительный протокол распространил их действие на все аспекты трансплантационного процесса, в частности получение и распределение органов и тканей и используемые при этом технические и медицинские приемы. Главная цель Дополнительного протокола – поощрение донорства при соблюдении гарантий защиты основных прав доноров и реципиентов[2].

Конвенция против торговли человеческими органами была принята в г. Сантьяго-де-Компостела, Испания, 25 марта 2015 г., а 24 сентября 2015 г. была ратифицирована Российской Федерацией[3]. Основные положения этой Конвенции направлены на предотвращение торговли человеческими органами путем криминализации определенных деяний, защиты прав жертв преступлений и облегчения сотрудничества на национальном и международном уровнях по вопросам противодействия торговле человеческими органами. Статья 3 Конвенции устанавливает принцип недопустимости дискриминации в рамках принятия мер по защите прав жертв – «без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, возраста, отношения к религии, политических или иных убеждений, национальной или социальной принадлежности, принадлежности к какому-либо национальному меньшинству, имущественного положения, происхождения, сексуальной ориентации, состояния здоровья, инвалидности или иных обстоятельств». В Конвенции устанавливается необходимость вести борьбу против незаконного вымогательства, получения, предложения неоправданных преимуществ и вербовки доноров органов. Допускается, что каждая из стран, ратифицировавших Конвенцию, принимает законодательные и иные меры для признания преступлением подготовку, сохранение, хранение, перевозку, получение, импорт и экспорт незаконно изъятых человеческих органов. Конвенция предлагает странам-подписантам принимать меры по защите потерпевших и защите свидетелей во всех случаях, касающихся выявления фактов незаконной торговли органами.

Представленные в Конвенциях положения устанавливают основополагающие правовые нормы и этические принципы в области донорства и трансплантации органов в европейских странах. Конкретизация и развитие этих положений даны в документах, подготовленных Европейским комитетом по трансплантации органов и Европейским директоратом по качеству лекарственных средств и здравоохранения. Они не носят юридически обязывающего характера, но чрезвычайно значимы для профессионалов, работающих в сфере донорства и трансплантации органов, поскольку, как правило, содержат в себе много ценных данных по различным вопросам. В числе них следует упомянуть следующие:

- Рекомендация Комитета министров государствам-членам о банках человеческих тканей (1994).
- Рекомендации Комитета министров государствам-членам о ксенотрансплантации (1997 и 2003).
- Рекомендация Комитета министров государствам-членам о трансплантации печени от живых родственных доноров (1997).
- Рекомендация Комитета министров государствам-членам о ведении листов ожидания в целях трансплантации органов (2001).
- Рекомендация Комитета министров государствам-членам о реестрах доноров органов (2003).
- Рекомендации, касающиеся незаконной торговли органами в Европе (2003); были представлены для Парламентской ассамблеи Совета Европы.
- Рекомендация Комитета министров государствам-членам, касающаяся незаконной торговли органами (2004).
- Рекомендация Комитета министров государствам-членам о критериях выдачи разрешений на осуществление трансплантации органов медицинским учреждениям (2004).

---

[1] Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине. Овьедо, 4 апреля 1997 г. – Mode of access: http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rz37.html (date of access – 08.12.2019).

[2] Ариаз-Диаз Х. Дополнительный протокол к Конвенции Овьедо о трансплантации органов и тканей человеческого происхождения // Материалы Международной конференции Минздрава России и Совета Европы «Права человека и биомедицина: этические и правовые аспекты донорства органов человека», Москва, 26 апреля 2016 г. – Mode of access: https://rm.coe.int/16806b8199#_ftnref22 (date of access – 08.12.2019).

[3] Заливохина О.С. Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами 2015 г. (перевод) // Российское право онлайн. – 2014. – № 2. – С. 80–92.

• Рекомендация Комитета министров государствам-членам о роли и подготовке специалистов, ответственных за донорство органов («трансплантационные координаторы») (2005).

• Рекомендация Комитета министров государствам-членам об образовании, функциях и обязанностях Национальной организации по трансплантации (2006).

• Рекомендация Комитета министров государствам-членам о повышении качества программ по органному донорству (2006).

• Резолюция о трансплантации печени от взрослого живого донора к взрослому человеку (2008).

• Резолюция о трансплантации почки от живого донора, который генетически не связан с реципиентом (2008).

• Резолюция об установлении процедур сбора и распространения данных о трансплантационной деятельности вне национальной системы трансплантации (2013).

• Резолюция о развитии и оптимизации программ прижизненного донорства почки (2013).

• Резолюция о роли и подготовке специалистов по оказанию неотложной помощи при посмертном донорстве (2015).

• Резолюция о создании гармонизированных национальных реестров живых доноров с целью содействия международному обмену данными (2015).

• Резолюция о принципах отбора, оценки, донорства и последующей деятельности прижизненных доноров, не являющихся резидентами государства (2017).

• Резолюция об установлении процедур ведения пациентов, получивших трансплантацию органов за рубежом, по их возвращении на родину для получения последующего ухода (2017).

Особым типом нормативных документов выступают директивы, которые являются обязательными для всех стран членов Европейского союза.

• Директива о стандартах качества и безопасности человеческих органов, предназначенных для трансплантации (2010).

• Директива об установлении информационных процедур, касающихся обмена человеческими органами, предназначенными для трансплантации, между государствами-членами (2012).

Важное место среди всех вышеуказанных документов занимают также Стамбульская декларация о торговле органами и трансплантационном туризме (2008, 2-я редакция – 2018), которая устанавливает общую для всех стран атмосферу нетерпимого отношения к обозначенным в ней проблемам [Declaration of Istanbul, 2018], и Мадридская резолюция о донорстве органов и трансплантации (2010), которая провозглашает национальную ответственность за удовлетворение потребностей пациентов; в ней провозглашен принцип самообеспечения донорскими органами, который предлагается рассматривать в качестве руководящего для всех стран, в которых ведется деятельность в сфере донорства и трансплантации органов[1].

[1] The Madrid Resolution on organ donation and transplantation. National responsibility in meeting the needs of patients, guided by the WHO Principles // Transplantation. – 2011. – Vol. 91 (11s). – P. 29–31.

Организационная основа донорства и трансплантации органов

Еще одна значимая составляющая успешности европейского опыта развития донорства и трансплантации органов – повышенное внимание к вопросам организации донорского процесса: продумывание мельчайших моментов того, как должна строиться ежедневная работа с донорами и донорскими органами на всех ее уровнях – от конкретного медицинского учреждения до региона, страны и межгосударственного взаимодействия, а также постоянный контроль за осуществлением этой работы.

Пример того, что в сфере донорства органов все может быть рационально и эффективно организовано, впервые показала Испания. В этой стране, как и повсюду в других местах, работа в сфере донорства и трансплантации органов выстраивалась на основе четко сформулированных правовых норм, доброй политической воли со стороны государства и имеющихся технических возможностей. Но проведенный испанскими специалистами сравнительный анализ ситуации в других странах показал, что основой дальнейшей успешной работы должна стать именно правильная организация дела. Серия мер организационного характера, широко известная в мире как «испанская модель», включает в себя семь основных компонентов: (1) создание сети трансплантационной координации, (2) трехуровневость трансплантационной координации, (3) непрерывный аудит случаев смерти мозга и иных форм смертельного исхода в отделениях реанимации больниц, являющихся донорскими стационарами, (4) наличие центрального офиса в качестве органа поддержки всех этапов донорского процесса (кроме распределения органов), (5) большие усилия по обучению квалифицированных специалистов, (6) финансовое возмещение расходов больниц на получение донорских органов, (7) пристальное внимание к работе СМИ[2].

Важнейший компонент испанской организационной модели – трансплантационная координация – впервые был применен в самом конце 1980-х годов в Барселоне. В каждый госпиталь из числа работающих в нем врачей (первоначально это обычно были нефрологи, а позже – реаниматологи) был назначен трансплантационный координатор, отвечающий за проактивное – не post factum, а с оценкой ситуации на перспективу – выявление потенциальных доноров из числа умерших пациентов, контактирование со специалистами центра по трансплантации и переговоры с родственниками умершего по поводу возможности изъятия органов. В рамках данной модели трансплантационный координатор всегда является штатным сотрудником больницы и отвечает за свою работу по координации перед главным

[2] Matesanz R., Dominguez-Gill B., Coll E. et al. Spanish experience as a leading country: what kind of measures were taken/ // Transplant international. – 2011. – Vol. 24 (4). – P. 333–343.; Navarro-Michel M. Institutional organisation and transplanting the «Spanish Model» // Farrell A.-M, Price D., Quigley M. (Eds.) Organ shortage: ethics, law and pragmatism. – Cambridge: Cambridge university press, 2011. – P. 151–170.

врачом больницы, который, в свою очередь, отвечает перед вышестоящим медицинским руководством. С учетом его неполной занятости в течение всего дня на основной врачебной специальности у назначенного координатора всегда находится время для исполнения своих обязанностей по выявлению доноров. Координатор никак не подчиняется приезжающим по его вызову командам трансплантологов, но функционально взаимодействует с региональной и национальной организацией по трансплантации, которые заняты сбором медицинской статистики по донорству, подготовкой кадров для донорской работы, решением различных административных, логистических и координационных вопросов и коммуникацией со СМИ. Вследствие принятия в 1989 г. модели трансплантационной координации на общенациональном уровне и того, что фигура трансплантационного координатора появилась фактически в каждой больнице, работа по выявлению доноров и получению донорских органов в Испании кардинально улучшилась. Испания по уровню донорской активности стала мировым лидером, опередив США и другие технологически развитые страны. В 1990-е годы испанская модель организации донорства была принята в итальянской Тоскане, а затем – с некоторыми изменениями или не в полном объеме – в ряде европейских и латиноамериканских стран. Менее чем за десять лет функционирования она была признана лучшей в мире, и ВОЗ рекомендовала использовать ее остальным странам[1].

В начале 2000-х годов испанская модель столкнулась с новым вызовом – сокращением количества донорских ресурсов, прежде всего сокращением числа доноров с диагнозом «смерть мозга»: массовое использование средств безопасности на автомобильном транспорте привело к уменьшению числа дорожно-транспортных происшествий и числа пациентов с тяжелыми черепно-мозговыми травмами, а прогресс в таких областях высокотехнологичного здравоохранения, как в нейрохирургия и реаниматология, позволил оказывать помощь все большему числу жертв дорожных аварий. В ответ на сокращение числа доноров со смертью мозга донорские службы в Испании и других европейских странах предприняли новые шаги по оптимизации донорского процесса. Стали более активно использоваться органы от доноров с расширенными критериями (раньше этого опасались делать по соображениям безопасности), появились инновационные методы сохранения донорских органов и хирургических вмешательств, были внедрены улучшенные алгоритмы распределения донорских органов и иные организационные меры[2].

Одним из важных направлений работы в Испании и в других странах Европы стала деятельность по предотвращению потерь донорских органов ввиду их невостребованности в текущий момент в конкретных медицинских учреждениях. Следствием этого стала более высокая степень кооперации между медицинскими учреждениями из соседних и удаленных между собой регионов. На повестку дня также вышел вопрос об обмене неиспользуемыми донорскими органами между соседними странами[3]. В период 2000–2003 гг. при поддержке Европейского совета была проведена серия конференций, в ходе которых этот вопрос был специально изучен. Европейская комиссия после серии консультаций в мае 2007 г. подготовила план действий в области донорства и трансплантации органов на период 2009–2015 гг., в котором была провозглашена идея укрепления сотрудничества между странами-членами. В 2010 г. была принята Директива о стандартах качества и безопасности человеческих органов, предназначенных для трансплантации, в которой Комиссия обязалась взять на себя роль в обеспечении справедливых, прозрачных и честных способов распределения донорских органов между странами. Важная роль в этой области была отведена уже существующим организациям[4].

Наиболее успешная из таких организаций – Евротрансплант (Eurotransplant International Foundation). Она была создана в 1967 г. голландским иммунологом Ионом ван Рудом с целью обеспечения обмена донорскими органами между странами Бенилюкса. В 1971 г. к ней присоединились ФРГ, Австрия и Швейцария (в 1978 г. она покинула организацию). В 1991 г., став частью ФРГ, в организацию вошла Восточная Германия. В 1999 г. новым членом Евротрансплантa стала Словения, в 2007 г. – Хорватия, в 2013 г. – Венгрия. Евротрансплант развивается как обширная сеть центров донорства и трансплантации, с собственными узлами коммуникации и транспортом (наземным и воздушным). Основная задача Евротрансплантa состоит в том, чтобы обеспечить абсолютно полное использование всех имеющихся в наличии донорских органов. Приоритет в распределении отдается странам, которые являются местом происхождения органа, но при отсутствии там текущей потребности в них орган передается в другую страну зоны Евротрансплантa. Вследствие этого такая крупная страна, как Германия, может, например, выступить источником трансплантатов для менее крупных стран, входящих в сеть. Нередко, впрочем, маленькие страны оказывают помощь более крупным соседям. В системе Евротрансплантa наряду с обменом органами происходит также обмен опытом и актуальной научной информацией. Первая успешная пересадка почки в странах зоны Евротрансплантa была

[1] Matesanz R., Dominguez-Gill B., Coll E. et al. Spanish experience as a leading country: what kind of measures were taken // Transplant international. – 2011. – Vol. 24 (4). – P. 333–343.

[2] Matesanz R., Dominguez-Gill B., Coll E. et al. Spanish experience as a leading country: what kind of measures were taken // Transplant international. – 2011. – Vol. 24 (4). – P. 333–343.; Roels L., Rahmel A. The European experience // Transplant international. – 2011. – Vol. 24 (4). – P. 350–367.

[3] Боенко Н.А., Минина М.Г. К вопросу о сотрудничестве государств в области донорства органов и трансплантологии // Вестник трансплантологии и искусственных органов. – 2018. – Т. 20. – № 4. – С. 107–111.

[4] Directive 2010/45/EU of the European parliament and of the Council of 7 July 2010 on standards of quality and safety of human organs intended for transplantation // Official journal of the European Union. – 2010. – Vol. 53 (L207). – P. 14–29. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2010:207:FULL&from=EN (date of access – 21.12.2019).; Farrell A.-M. Adding value? EU governance of organ donation and transplantation // European journal health law. – 2010. – Vol. 17 (1). – P. 51–79.

проведена в 1963 г., печени – в 1969 г., сердца – в 1981 г., комплекса «сердце-легкое» – в 1983 г., кишечника – в 1989 г. В 1970-е годы в Евротрансплантe стартовала программа обмена донорской печенью между странами-участницами, в 1988 г. – программа обмена донорскими легкими, в 1999 г. – программа обмена кишечником. В 1988 г. сотрудники Евротрансплантa начали использовать первую компьютерную систему для обмена данными (Acceptable Mismatch program), позволяющую осуществлять быстрый подбор кандидатов на имеющийся донорский орган для всех стран – участниц организации. В 1996 г. на смену этой системе пришла новая – Eurotransplant Network Information System. В том же году началось использование компьютеризированной системы распределения донорских почек (Eurotransplant Kidney Allocation System). В 2016 г. Евротрансплант стал использовать новую компьютеризированную версию обмена информацией, которая позволила еще больше ускорить обмен данными и скорость принятия решений. В 2009 г. с целью демократизации процесса управления организацией был создан Совет Евротрансплантa, в задачи которого также входит обеспечение диалога между национальными властями и дирекцией организации[1]. В настоящее время в зоне Евротрансплантa проживают более 136 млн граждан, которые в случае необходимости могут воспользоваться помощью этого круглосуточно работающего сервиса. В 2017 г. медицинскими службами Евротрансплантa была обеспечена пересадка 1942 донорских органов. Наибольшее их количество предоставила Германия (700); далее расположились Бельгия (348), Нидерланды (244), Австрия (206), Хорватия (151), Венгрия (132), Словения (39), Люксембург (9); еще 44 органа поступило в больницы сети из-за пределов зоны Евротрансплантa [Annual report 2017, P. 10, 17]. Успешность работы Евротрансплантa сделала его примером для других подобных ему организаций.

В 1969 г. была создана еще одна сеть для обеспечения обмена донорскими органами – Скандиатрансплант. В нее входят пять североевропейских стран – Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания, Исландия. В 2017 г. на правах ассоциированного члена к ним присоединилась Эстония. В настоящее время в зоне Евротрансплантa проживают более 28 млн жителей. Почти 2000 пациентов из этих стран ежегодно являются получателями трансплантационной медицинской помощи. В университете г. Орхуса, Дания, находится эталонная лаборатория Скандиатрансплант, где еще более полувека назад начали работы по проведению исследований о биологической совместимости тканей доноров и реципиентов. История пересадок органов в странах зоны Скандиатрансплантa весьма почтенна. Первая пересадка почки там была выполнена в 1956 г. (Осло), пересадка печени – в 1982 г. (Хельсинки), сердца и легких в 1983 и 1986 гг. (Осло). В 1969 г. состоялся первый обмен органами между странами – почка из Гётеборга была доставлена в Орхус; в 1985 г. первая печень была доставлена из Хельсинки в Гётеборг, в 1988 г. – сердце из Гётеборга в Осло, в 1990 г. – легкие из Мальмё в Хельсинки. В 1992 г. был издан Устав организации, который подвергся пересмотру в 2014–2016 гг. Информационная база данных стран Скандиатрансплантa находится в Орхусе. Сеть активно взаимодействует с аналогичными организациями Европы, постоянно обновляет свой собственный реестр доноров, донорских органов и реципиентов. С момента основания в зоне Скандиатрансплантa было проведено более 30 тыс. трансплантаций (по итогам 2014 г.)[2].

Информация о деятельности еще одной сети – Балттрансплант – в настоящее время практически недоступна. В недавнем прошлом она обеспечивала обмен донорскими органами между тремя прибалтийскими странами – Литвой, Латвией и Эстонией, и, по-видимому, сумела добиться определенных результатов в работе. После выхода Эстонии в 2017 г. из организации и ее присоединения к Скандиатрансплантy Балттрансплант фактически оказался перед угрозой распада. Последствия этого выхода также сказались на судьбах тех пациентов, которые надеялись на получение дефицитного органа из соседней страны, но в итоге были лишены этой возможности[3]. Есть основания полагать, что Литве и Латвии как весьма малонаселенным странам в самое ближайшее время придется решать вопрос об интеграции в состав более крупной европейской организации по обмену донорскими органами.

1 октября 2012 г. в Риме был подписан Меморандум о взаимопонимании между представителями здравоохранения Италии, Франции и Испании, которым было положено начало созданию еще одной мощной европейской организации в области донорства и трансплантации органов – Южному альянсу (South Alliance for Transplant). Он был создан тремя самыми крупными странами средиземноморской Европы с целью объединения своих усилий и завершения интеграционных процессов, которые прежде были начаты в Северной и Северо-Восточной Европе. Одним из поводов для создания Альянса была реакция Испании на факт проникновения на ее территорию крупной германской биотехнологической компании, предоставляющей услуги в области биобанкинга костного мозга. Чтобы избежать нежелательных случаев конкуренции с частными зарубежными корпорациями, органы здравоохранения Испании решили объединить свои усилия с партнерами из Италии и Франции, где вся медицинская помощь в сфере донорства и трансплантации также является бесплатной и централизованной. Образование Южного альянса стало весьма значительным событием, поскольку вследствие этого произошло объединение донорских служб стран с общим населением более 170 млн человек (более 34% населения всего Евросоюза) и почти поло-

[1] Langer R.M., Cohen B., Rahmel A. History of Eurotransplant // Transplantation proceedings. – 2012. – Vol. 44 (7). – P. 2130–2131.

[2] The History of Scandiatransplant. – Mode of access: http://www.scandiatransplant.org/about-scandiatransplant/history (date of access – 09.12.2019).

[3] Редакция LSM.lv. Трансплантация или смерть. История Лаймы. – Latvijas Sabiedriskie Mediji. – 2018. – 24 марта. – Mode of access: https://rus.lsm.lv/statja/novosti/obschestvo/transplantacija-ili-smert.-istorija-laymi.a272339/ (date of access – 09.12.2019).

виной (48%) всех донорских органов от посмертных доноров в Европе. При создании Южного альянса его инициаторами было отмечено, что все три страны разделяют общее видение возникающих биоэтических проблем и имеют системы, регулируемые на национальном уровне с использованием схожих организационных моделей. Было также отмечено, что в ближайшей перспективе к Альянсу смогут присоединиться Португалия, Греция и Мальта[1]. Страны Альянса создали общую информационную базу и согласовали свои программы в области трансплантационной координации. Одним из следствий этого стало осуществление пересадок почки по методу «кроссовера» – сложной цепочки обменов органами между целым рядом медицинских организаций в разных странах, итогом чего становится возможным подобрать подходящих доноров для реципиентов со сложными биологическими характеристиками и практически не имеющих шансов получить свой донорский орган традиционным способом. В марте 2018 г. в Пизе, Италия, состоялась первая трансплантация почки, которая стала возможной после того, как была отработана длинная логистическая схема с участием 113 несовместимых пар донор – реципиент и 14 больниц – десяти испанских, трех итальянских и одной португальской[2].

Деятельность сетевых организаций, осуществляющих обмен донорскими органами между странами, является примером наиболее сложной формы производственной кооперации между медицинскими учреждениями Европы, специализирующимися на донорстве и трансплантации. Но ее можно рассматривать также и как пример взаимной моральной поддержки, которая основывается на доверии между разными группами медицинских специалистов, разделяющих общие профессиональные подходы и культурные ценности.

Деятельность по получению социальной поддержки

Успешное развитие трансплантационной медицины в странах Евросоюза было бы невозможно, если бы практики донорства и трансплантации органов не получили поддержки со стороны остальной части общества. Не следует забывать, что донорские органы – это не обычный биологический материал, а такой, источником которого являются сами люди, их тела, и заменить его в этом смысле нечем. Получение органов от живых доноров затруднительно по известным причинам: взять можно только один из парных органов (почку) или часть органа (долю печени, долю легкого); при этом всегда сохраняется риск причинить вред живому донору. Поэтому прижизненное донорство в странах Европы практикуется в меньшей степени, чем посмертное донорство, которое повсеместно рассматривается как наиболее предпочтительная форма органного донорства.

Между тем для развития посмертного донорства органов существуют свои препятствия – как биологические, так и культурные. Биологические состоят в том, что получение органов от посмертных доноров целесообразно лишь в самый короткий период времени после смерти донора, иначе они подвергнутся естественному разрушению (тепловой ишемический шок). Вследствие этого получение органов, как правило, осуществляется от доноров с диагнозом «смерть мозга», но при условии, что еще до момента изъятия доноры были подключены к аппаратам искусственного кровообращения и вентиляции легких, т.е. тела пациентов остаются физиологически живыми. Другой подход состоит в том, чтобы получать органы от доноров, умерших от остановки сердца. Но в этом случае оказывается значительно сложнее обеспечить кровообращение в теле донора: приходится прибегать к технологиям, обеспечивающим только локальное кровообращение (перфузионным устройствам); и как следствие от таких (асистолических) доноров могут быть взяты только почки и печень. Помимо этого, существует и целый ряд других сложных технических вопросов, которые приходится решать при работе с донорами с полностью прекратившимся сердцебиением.

Что касается культурных барьеров, то они как раз вызваны тем, что в большинстве своем люди повсюду весьма настороженно относятся ко всему, что связано с практиками посмертного донорства. Прежде всего, в сознании большинства людей во всем мире существует внутреннее неприятие такого диагноза, как «смерть мозга». Несмотря на то что этот диагноз в последней четверти XX в. был официально признан всеми медицинскими специалистами и вошел в качестве научно обоснованного понятия в систему медицинского знания, для людей в самых разных культурах смерть продолжает ассоциироваться не с прекращением электрохимической активности мозга, а с прекращением дыхания и остановкой сердца. Как показывают исследования этой проблемы, повсюду в мире основанием для настороженного отношения к практикам посмертного донорства являются две вещи – недоверие к диагнозу «смерть мозга» и религиозные убеждения.

Но эти культурные барьеры – недоверие к диагнозу «смерть мозга» и религиозные взгляды, отрицающие правомерность посмертного вмешательства в тело и нарушение его целостности, – в Европе оказались наиболее хрупкими. Представления о том, что человеческая личность (душа, сознание) локализована в головном мозге, и смерть мозга, фактически, означает смерть всего человека, широко распространены в силу того, что данная естественно-научная концепция человеческой природы входит в программы школьного образования – общедоступного и обязательного во всех европейских странах. Что касается религиозных взглядов, то именно в Европе, которая продвинулась дальше остальных цивилизаций по пути просвещения и секуляризации, их повседневная значимость, во всяком случае во второй половине XX в., была утрачена в наибольшей мере.

[1] Sanmartin O.R. Spain creates the first transplant alliance with France and Italy // El Mundo. – 2012. – October 10. – P. 16.

[2] Italy and Spain achieve first international cross-kidney transplantation // European Kidney Health Alliance. News. – 2018. – September 5. – Mode of access: http://ekha.eu/blog/italy-and-spain-achieve-first-international-cross-kidney-transplantation/ (date of access – 18.12.2019).

Последнее особенно верно для городского населения. Однако совсем недавние данные из Испании – страны с наивысшим уровнем доверия общества к практикам посмертного донорства – показывают, что восприятие донорства и трансплантации органов сельскими жителями по-прежнему остается традиционным, а правомерность самих практик подспудно отвергается[1].

Признавая значимость сохраняющихся культурных барьеров, ведущие европейские трансплантологи и создатели донорских служб проделывают большую работу, чтобы добиться социальной поддержки для своей деятельности. В этой связи большое внимание с их стороны уделяется налаживанию взаимодействия с общественными организациями и СМИ, а также проведению соответствующей информационной политики. В разных странах, разумеется, существуют свои подходы к этому вопросу, но в целом можно выделить две модели – северную и южную. Северная, возникшая раньше, состоит в проведении шумных агитационных кампаний с приглашением телевидения и раздачей буклетов, в которых пропагандируются ценности донорства и взаимопомощь между людьми – готовность жертвовать свои органы нуждающимся в них. Официально инициаторами этих кампаний обычно выступают пациентские организации, которые устраивают яркие шоу, чаще всего спортивные эстафеты, с участием людей, получивших шанс на новую жизнь благодаря трансплантации. Они приходят с плакатами и транспарантами, на которых написано: «Подари часть себя», «Подари жизнь», «За жизнь» и т.п. Такая модель распространена в странах зоны Евротрансплантa[2] и еще в большей степени в Скандинавских странах, где посмертное жертвование органов рассматривается гражданами «почти как гражданский долг»[3].

Южная модель возникла в странах с более сильной приверженностью традиционным ценностям и значительно более сильными позициями церкви, прежде всего католической. Кроме того, она сформировалась в странах, где почти не слышен голос пациентских организаций, а большинство значимых для всего общества вопросов решается централизованно, государственными структурами. Наиболее яркий пример действия этой модели предлагает Испания, где ее продвигает Национальная организация трансплантологов. В использовании этой модели акцент делается на поддержке круглосуточных информационных сервисов при медицинских учреждениях. Как правило, это регулярно обновляемые веб-сайты и телефоны горячей линии, где на звонки всех желающих отвечают компетентные специалисты. Информация подается дозированно, без навязывания чьего-либо мнения. Еще одним элементом этой модели являются регулярные контакты руководителей донорских служб и врачей-трансплантологов с журналистами: часто проводятся брифинги и организуются интервью[4]. Сравнивая между собой северную (она также распространена в США) и южную модели взаимодействия трансплантологов с обществом, российские исследователи отдают предпочтение южной (испанской) модели, полагая, что она в большей степени соответствует господствующим умонастроениям в российском обществе и может быть использована для отечественных программ органного донорства[5].

В странах Южной Европы, где более всего сохраняется влияние церкви, имеет место также церковно-просветительская работа, связанная с донорством органов. Образцом вновь выступает Испания, где руководство католической церкви проводит большую разъяснительную работу с обществом, пропагандируя идею о том, что «после смерти нельзя забрать свои органы на небеса». В 1984 г. четыре члена пасторской епископской комиссии – Хавьер Осес Фламарике, епископ Уэски, Теодоро Убеда Грамахе, епископ Майорки, Хосе Геа Эсколано, епископ Ибицы, и Антонио Диес Глотет, епископ Менорки, – опубликовали текст «Пастырского обращения», в котором призвали испанцев перестать «быть эгоистичными и запертыми в собственном сердце». Церковные пасторы решили развеять распространенные страхи о том, что посмертное донорство может принести вред умершим и помешать их семьям провести подобающие погребальные ритуалы, и высказали свою поддержку этой практике. «Необходимо, чтобы донор и его родственники действовали свободно и без принуждения; чтобы это делалось по альтруистическим мотивам, а не из соображений экономической выгоды, чтобы у реципиента были разумные надежды на успех, и чтобы донор был действительно мертв. Если эти условия выполняются, то вера и церковь не только не имеют ничего против такого акта, но даже видят в нем повторение подвига Иисуса, который отдал жизнь за других… В пожертвовании органов мы приближаемся к бескорыстной и совершенной любви, которую Бог чувствует к нам»[6]. Публикация «Пастырского обращения» сыграла важную роль в активизации позиции католической церкви в Испании по вопросам донорства. За этим последовала большая практическая работа в приходах. Духовенство включилось в дискуссии по биоэтической проблематике. Начались регулярные научные конференции с участием священнослужителей. Такая активность, как полагают некоторые отечественные исследователи, помимо стремления поддержать медиков имеет и еще одну важную цель – предотвратить

[1] Febero B., Almela J., Rios A. et al. Teenagers in rural areas faced with organ donation and transplantation // Transplantation proceedings. – 2018. – Vol. 50 (2). – P. 520–522.

[2] History of Eurotransplant, 50 years. – P. 81–116. – Mode of access: http://www.eurotransplant.org/cms/mediaobject.php?file=History+Eurotransplant_website.pdf (date of access – 09.12.2019).

[3] Lötjönen S., Persson N.H. Kidney donation: lessons from the Nordic countries // Farrell A.-M, Price D., Quigley M. (Eds.) Organ shortage: ethics, law and pragmatism. – Cambridge: Cambridge university press, 2011. – P. 171–184.

[4] Matesanz R., Dominguez-Gill B., Coll E. et al. Spanish experience as a leading country: what kind of measures were taken // Transplant international. – 2011. – Vol. 24 (4). – P. 333–343.

[5] Резник А.О. Подходы к решению проблемы дефицита донорских органов: точки приложения усилий // Апории современной трансплантологии: коллективная монография / под ред. О.Н. Резника. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. – С. 419–447.

[6] Miguel Martin J. de. Influencia de los conceptos religiosos ante las donaciones de organos // Indivisa. Boletin de estudios e investigacion. – 2002. – No. 3. – P. 89–107.

воздействие научного редукционизма на сферу трансплантологии и сохранить, вопреки господствующему тренду, религиозно-философское понимание человеческой природы как духовно-материальной целостности[1].

Важным фактором для получения поддержки со стороны общества является и сам авторитет медицинских специалистов. За последние 100–150 лет медицина как социальный институт неоднократно доказала свою приверженность гуманистическим идеалам и зарекомендовала себя как сила, способная решать различные проблемы людей, не ограничиваясь только лечебной работой. Тем не менее в отдельных случаях медицинское сообщество, ставя перед собой высокие гуманистические цели, сознательно стремится ограничить масштабы своей работы. В частности, в Германии среди врачей-трансплантологов до самого недавнего времени не пользовалась поддержкой практика получения органов от живых доноров. Исследователи этого вопроса убедительно показали, что такая позиция германских медиков была следствием их стремления освободиться от вины перед обществом за преступления, совершенные их предшественниками при нацистском режиме[2]. Тем не менее в последние годы ситуация изменилась. Получение донорских органов от живых доноров в Германии стало более частым явлением, и по этим показателям немецкая трансплантационная медицина практически сравнялась с другими медицинскими системами Евросоюза[3].

Средством, которое призвано получить дополнительную поддержку со стороны общества в отношении донорства органов, можно считать и регулярные социологические опросы. Благодаря им происходит не только мониторинг общественного мнения, но и формируется своего рода обратная связь между опрашивающими и опрашиваемыми. Предметом опросов могут быть не только различные законодательные инициативы, но и инициативы со стороны отдельных медицинских специалистов, направленные на оптимизацию донорского процесса. Так, в Нидерландах в конце 2000-х годов был проведен опрос, призванный выявить отношение граждан этой страны к возможности введения той или иной формы компенсации за прижизненное неродственное донорство[4]. Данные этого опроса вызвали интерес в Швеции, как и сама инициатива нидерландских специалистов, в которой увидели действенное средство справиться с дефицитом органов[5].

Деятельность по получению социальной поддержки в сфере донорства и трансплантации органов – один из наиболее сложных моментов в рамках всей донорской работы. В рамках испанской модели она считается одной из ключевых организационных мер и поэтому ей уделяется каждодневное внимание. В странах Северной и Центральной Европы, в силу политических и культурных причин, такая работа ведется не на регулярной основе, а в форме периодических агитационных компаний с привлечением пациентских организаций. Сохраняющиеся различия в подходах находят отражение в общих итогах, которые выражаются в состоянии уровня донорской активности в обществе и количестве проведенных трансплантаций. Тем не менее, сравнивая положение дел в Европе с ситуацией в других частях мира, можно констатировать, что национальный консенсус между медицинскими специалистами и обществом по вопросам донорства и трансплантации органов в целом сохраняется. Без этого консенсуса дальнейшее развитие такой высокотехнологичной области здравоохранения, как трансплантационная медицина, едва ли возможно.

[1] Курганова И.Г. Религиозное измерение трансплантологии // Апории современной трансплантологии: коллективная монография / под ред. О.Н. Резника. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. – С. 273–320.

[2] Hogle L. Recovering the nation's body: cultural memory, medicine, and the politics of redemption. – New Brunswick, NJ: Rutgers university press, 1999. – 262 p.

[3] Newsletter transplant: International figures on donation and transplantation 2017. – Strasbourg: EDQM, 2018. – 81 p.

[4] Kranenburg L., Schram A., Zuidema W. et al. Public survey of financial incentives for kidney donation // Nephrology, dialysis, transplantation. – 2008. – Vol. 23 (3). – P. 1039–1042.

[5] Omar F., Tufveson G., Welin S. Compensated living kidney donation: a plea for pragmatism // Health care analysis. – 2012. – Vol. 18 (1). – P. 85–101.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ В БУДУЩЕМ

Армин Штайгис,
бригадный генерал в отставке, ФРГ

Аннотация. В статье рассматриваются внешняя политика и политика в сфере безопасности ЕС в эпоху геополитической турбулентности и формирования нового миропорядка. Отмечается, что в XXI в. происходит расширение понятия «безопасность», которая отныне включает в себя киберпространство и космос. При этом ЕС приходится сталкиваться с такими серьезными вызовами, как глобализация экономики, демографические изменения и формирование «дуги нестабильности» на южных и восточных границах Европы. Ситуация усугубляется кризисом в отношениях между ЕС и США. В этих условиях для Евросоюза является крайне важным выработать единую стратегическую концепцию, преодолеть застарелые противоречия и стать полноценным субъектом мировой политики. Касаясь отношений ЕС с Россией, автор предлагает поддерживать диалог, который, по его мнению, способен предотвратить возникновение новых конфликтов и способствовать решению старых.

Ключевые слова: ЕС; политика в сфере безопасности; стратегическое планирование; трансатлантический мост; НАТО; Россия.

Keywords: EU; security policy; strategic planning; the transatlantic bridge; NATO; Russia.

Внешняя политика и политика в сфере безопасности 2020

Для общего понимания и упорядочивания своих последующих мыслей относительно внешней политики и политики в сфере безопасности ЕС автор делает два комментария.

Во-первых, в дальнейшем он исходит из широкого, охватывающего различные аспекты понятия «безопасность» в этом сложном и находящимся под угрозой различных кризисов и конфликтов мире. На сегодняшний день политика в сфере безопасности охватывает почти все аспекты политической сферы, начиная от дипломатии и, безусловно, военной области, экономики и заканчивая энергетикой, охраной окружающей среды, а также здравоохранением, в чем мы имели возможность убедиться в последние недели. Политика в сфере безопасности приобретает новые измерения, такие, как космос и киберпространство. Таким образом, она расширяет свои традиционные границы и одновременно делает относительным значение геополитики. В дальнейшем больше не будет разделения на внутреннюю и внешнюю политику; граница между различными сферами жизни будет стираться. Европейский союз с его разнообразными наднациональными институтами в принципе хорошо подготовлен для базирующейся на таком широком понимании безопасности внешней политики.

Во-вторых, мы находимся в историческом переходном периоде, в котором только сейчас, – а не в 1989/1990, как мы предполагали, – заканчивается послевоенная эпоха. В настоящее время происходит изменение расстановки сил на международной арене с параллельно идущей «архаизацией» мирового порядка, для которой характерны свободная игра сил, смена союзов и навязывание сильными государствами своих правил.

Одновременно с этим мы являемся свидетелями быстрых экономических и технологических изменений, затрагивающих все государства и их граждан. Ключевыми тенденциями здесь являются глобализация и дигитализация. К этому добавляется давно назревший вопрос о сохранении нашего образа жизни, который настойчивыми усилиями молодого поколения выдвигается на первый план. С одной стороны, эти тенденции открывают нам немыслимые возможности, но с другой – они же порождают неуверенность, несправедливые требования и новые угрозы.

То, что в этот исторически переходный период с его масштабными и противоречивыми тенденциями ЕС и государства-члены обязаны действовать ради защиты своих ценностей и интересов в новом мировом (бес)порядке, является для автора непреложным фактом.

Европейский союз в начале нового десятилетия

Европейское экономическое сообщество, позднее Европейский союз, задумывалось и создавалось после Второй мировой войны ради поддержания мира в Европе и формирования общего рынка, однако это объединение ни в коей мере не рассматривалось как субъект глобальной политики. Если быть более точ-

ными, то европейская «модель бизнеса» зиждилась на экономическом процветании и американских гарантиях безопасности. В настоящее время эта модель утрачивает свою основу.

На фоне кризисов и конфликтов в соседних регионах, меняющегося расклада сил на мировой арене и уже вышеназванных экономических, технологических и экологических изменений ЕС должен осознать, что речь больше не идет только об общем рынке, экономическом единстве, но и о превращении в полноценного субъекта международных отношений, о политическом единстве с общими ценностями и интересами, которые нужно охранять и в крайнем случае защищать.

При этом Европейский союз переживает один из самых тяжелых периодов в своей истории. Он находится в геополитически сложной, можно сказать, угрожающей ситуации.

Тянущаяся от Африки (Ливия, Сахель) через Ближний Восток (Сирия, Ирак, Иран, нерешенный палестино-израильский конфликт) к Европейскому континенту (российско-украинский конфликт, обеспокоенные страны Балтии, все еще не умиротворенные Балканы) «дуга нестабильности» окружает ЕС с Юга и Востока. Таким образом, Евросоюз сталкивается с многочисленными конфликтами, которые ведутся или поддерживаются непредсказуемыми автократическими государствами. В свою очередь они ведут к продолжающейся неконтролируемой миграции, что в условиях отсутствия единой миграционной политики ЕС ставит под угрозу внутренний и внешний мир.

В глобальном контексте мы наблюдаем деградацию США, еще до недавнего времени важнейшего партнера ЕС, как либеральной сверхдержавы, поддерживающей порядок. В некоторых регионах мира, таких как, например, Африка и Ближний Восток, Соединенные Штаты сами сокращают свое присутствие. Одновременно с этим на мировую сцену выходит Китай, который благодаря своей экономической мощи достиг границ Европейского континента, превратившись тем самым не только в торгового партнера, но и в соперника. Ситуацию усугубляет различная, зачастую эгоистичная, политика отдельных стран Евросоюза в отношении КНР. На мой взгляд, нам только еще предстоит найти совместный, выработанный в рамках ЕС, стратегический ответ на вызов со стороны Китая.

В дальнейшем на развитие Евросоюза, безусловно, будут оказывать влияние такие факторы, как глобализация мировой экономики, быстрая дигитализация рынка труда и жизни, изменение климата и демографические процессы внутри ЕС и за его пределами. Эти изменения не являются для нас чем-то новым, поскольку наука уже давно предсказала их появление. Однако теперь настало время найти ответы на эти вызовы и принять конкретные меры, сохранив при этом ценности свободного, демократического и правового порядка. От их реализации и сейчас, и в дальнейшем будет зависеть как внутренняя, так и внешняя безопасность стран Евросоюза.

Помимо этого, стоит отметить внутренний кризис ЕС, который приобретает угрожающий характер вследствие того, что ряд стран, соблазнившихся автократизмом, ставит под сомнение либеральную демократию как основополагающую модель. Эти тенденции дополняются и усиливаются заигрыванием с национальными или даже националистическими чувствами. Ярким примером может служить выход Великобритании из ЕС под лозунгом «Вернем себе контроль», а после выхода – «Раскрыть потенциал Британии».

Возможно, что этот внутренний кризис опаснее, чем все внешние кризисы и конфликты. Новый президент Еврокомиссии У. фон дер Ляйен следующими словами подчеркнула значение внутреннего единства: «Если мы едины внутри, то никто извне не сможет разделить нас».

И, наконец, я бы хотел высказаться относительно базирующегося на определенных правилах порядке и признания норм международного права, за сохранение и расширение которого ЕС всегда выступал. С моей точки зрения, уважение к общепризнанным в международных отношениях правилам и нормам все больше и больше уходит в прошлое. Международное право нарушается, государства выходят из договоров и соглашений, что ведет к снижению уровня предсказуемости действий, потере доверия и надежности. Ко всему этому добавляются так называемые гибридные операции, стирающие границы между войной и миром. Они включают в себя использование негосударственных структур, отстаивающих с помощью силы интересы отдельных стран. Однако за их действия никто не берет на себя ответственность. Эти тенденции в международных отношениях отравляют дипломатию и тем самым любые попытки разрешения конфликтов.

Роль и ответственность ЕС на исторически переломном этапе

Что ввиду сложившейся ситуации может сделать Евросоюз ради сохранения мира, безопасности и благосостояния в Европе в будущем десятилетии и в дальнейшем? У автора есть пять предложений на этот счет.

Во-первых, в этом сложном и жестоком мире Европейский союз не должен становиться мячиком для игры в пинг-понг для стремящихся завоевать свое «место под солнцем» держав (Китай, Индия), эгоистичных реваншистов (Турция, Россия), или сбившихся с пути эгоцентриков (США). Он должен, наконец, превратиться в актора глобального масштаба, «который реально возьмет собственную судьбу в свои руки» (А. Меркель), «сможет участвовать в мировой политике» (Ж.-К. Юнкер), «научится языку власти» (У. фон дер Ляйен).

При этом Европа не может позволить себе при решении любого вопроса выглядеть группой национальных государств, с трудом находящих компромисс. В будущем Европа может только единым фронтом отстаивать свои ценности и интересы. Именно поэтому французский президент Э. Макрон, начиная со своей речи в Сорбонне в 2017 г., неустанно требует обеспечения «европейского суверенитета», с тем чтобы Европа имела возможность принять участие в формировании нового мирового порядка, а также находить пути к решению конфликтов и кризисов. Уже в 1950-х годах Конрад Аденауэр говорил о приобретении суверенитета

европейскими государствами путем отказа от своих прав в пользу наднациональных органов.

Во-вторых, на мой взгляд, необходима стратегическая ориентация ЕС, которая является предпосылкой дееспособности Европы. О чем здесь идет речь? Прежде всего, о целенаправленном стратегическом диалоге, который будет способствовать общему пониманию рисков и угроз, а также выработке превентивных и реактивных мер. Некоторые называют это стратегическим компасом. В конечном счете члены ЕС должны выработать общую стратегическую культуру и дать ответ на вопрос, как европейские страны в будущем будут отстаивать свои интересы, а при необходимости защищать себя, как того много раз настойчиво требовал президент Макрон. Ответы на эти вопросы создадут основу для эффективного предотвращения кризисов и урегулирования конфликтов с последующей перспективой создания системы европейской обороны, включающей в себя ядерное сдерживание при условии соблюдения обязательств, вытекающих из договоренностей между ЕС и НАТО.

В-третьих, в эпоху националистической ностальгии по прошлому и забвения уроков истории будет крайне непросто успешно вступить на этот путь. Поэтому несколько государств – членов ЕС должны возглавить этот открытый для всех процесс и наметить курс. Еще в 1994 г. немецкие политики Вольфганг Шойбле и Карл Ламерс поняли необходимость «европейского ядра», Европы различных скоростей, и призвали ее строить.

В Лиссабонском договоре этот призыв стал частью европейского права и вполне может быть реализован на практике. Однако отсутствует политическая воля. В первую очередь ответственность в этом вопросе должны взять на себя Германия и Франция при участии других государств – членов ЕС, которые готовы двигаться вперед. При этом Германия должна выработать «культуру ответственности» с ясными требованиями и критериями, особенно в период своего председательства в Совете ЕС во второй половине 2020 г.

В этом контексте мне бы хотелось сделать ремарку относительно положения Великобритании. И после Брексита Великобританию и ЕС объединяют общие ценности и множество интересов. Безопасность и оборона Евросоюза и Великобритании неразрывно связаны друг с другом. Поэтому очень важно найти пути для совместной работы во внешней политике и в сфере безопасности, а также создать работоспособные институты. В этом отношении политическая декларация о будущих отношениях между ЕС и Великобританией представляется мне позитивной отправной точкой.

В-четвертых, необходимо дать отпор тем, кто стремится поставить под вопрос целесообразность существования НАТО или вообще ликвидировать альянс. Это не может и не должно быть европейской политикой.

Однако уже в 1990-е годы бывший советник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский предостерег европейцев: «С точки зрения обеспечения безопасности Европа не может больше де-факто оставаться протекторатом США». В будущем по обе стороны Атлантики не будут мириться с тем фактом, что 340 млн американцев несут основное бремя по обеспечению безопасности 500 млн европейцев. С передачей европейской безопасности на «аутсорсинг» в Вашингтон должно быть как можно скорее покончено.

27 государств – членов ЕС вместе тратят 200 млрд евро на содержание вооруженных сил, примерная численность которых составляет около 1,5 млн человек. По этому показателю Европа занимает второе место в мире. Именно поэтому в первую очередь речь идет не об увеличении расходов на оборону, а о развитии сотрудничества и интеграции, и в конечном счете – о создании европейских вооруженных сил, способных действовать в различных частях мира и обеспечивать безопасность Европы. При этом терминологически верно будет говорить об армии европейцев, а не об европейской армии. Это будет стоить денег и времени, но кто не начинает, тот никогда не придет к цели. Если бы это было сделано раньше, то не было бы никакой дискуссии о том, в состоянии ли вообще европейцы создать зону безопасности на севере Сирии или обеспечить военным путем достижение мира в Ливии. В этом заключается европейская ответственность.

В-пятых, пока общества (мне бы хотелось в это верить) по обе стороны Атлантики разделяют единые ценности, а наши интересы не разошлись еще дальше, с точки зрения европейских интересов было бы безответственным расшатывать или даже разрушать трансатлантический мост. Может быть, в один день «демонтаж» этого моста в Вашингтоне будет приостановлен. В эту богатую на конфликты эпоху НАТО нуждается в двух опорных столпах, которые бы поддерживали и укрепляли альянс, поскольку в будущем Западу, т.е. американцам и европейцам, придется отстаивать для себя и для других ценности свободного, демократического уклада жизни.

Роль России в Европе и мире

Россия и Европа являлись партнерами на одном континенте. К сожалению, после событий 2014 г. от этого мало что осталось, разве что замороженные контакты с ЕС. Бывший российский министр иностранных дел И. Иванов недавно заявил в Берлине, что отношения между ЕС и Россией хуже, чем во времена холодной войны, и сразу же задал вопрос о том, кем мы являемся: противниками, врагами или все же партнерами? Дать ответ на этот вопрос мне представляется затруднительным, поскольку Россия после нарушения норм международного права, в том числе и с использованием военной силы, должна, так сказать, платить «налог на великодержавность», включающий финансовые и экономические потери, а также исключение из политических структур.

Эта политика санкций является безальтернативной для ЕС, однако нельзя исключать и диалог, к которому стремится Россия, поскольку переговоры не являются вознаграждением, а средством для достижения цели. Приоритетной целью такого диалога должно стать предотвращение новых конфликтов или замораживание, а если возможно, то и решение существующих.

Одно это уже само по себе является огромной задачей. Позитивными примерами могут служить возобновление переговоров в нормандском формате в Париже в конце 2019 г. и конференция по Ливии в Берлине. Для обеих сторон это было бы лучшим способом обеспечить мир в Европе и соседних странах.

Однако в конечном счете России следует задаться вопросом о своем будущем в формирующемся сейчас миропорядке. Если согласиться с американским политологом Джозефом Наем, решающую роль в XXI в. будут играть три фактора: военная сила, чье значение неуклонно будет падать, в значительной степени экономический потенциал страны и так называемая «мягкая сила» – образование, наука, культура, стабильность общества. Какое место будет занимать Россия через 10 или 20 лет, и с кем она будет сотрудничать в вопросах упрочения своего потенциала? Поэтому Россия должна всерьез задуматься над тем, а не будет ли для нее лучшим решением сделать ставку на сотрудничество с западными соседями.

ЕС – действовать сейчас

Для ЕС речь сейчас идет о расстановке ясных стратегических приоритетов в области внешней политики и сфере безопасности, которая положит конец национальному эгоизму и самоустранению, подпитывающемуся обманчивой надеждой на то, что «другие проделают эту работу». Только на этом может строиться собственная политика, а дееспособность Европы и меры по обеспечению ее безопасности более необходимы, чем когда-либо. При этом речь не идет о силе ради конфронтации, а о силе ради созидания, которая связана со способностью к самокритике и корректировке своих действий, что должно в будущем отличать ЕС от авторитарных систем.

Перевод старшего научного сотрудника ИНИОН РАН А. Белинского

УКРАИНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РУМЫНИИ: ДЕКЛАРАЦИИ И РЕАЛЬНЫЕ ШАГИ

Татьяна Биткова,
старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН

Аннотация. В статье дается краткий экскурс взаимоотношений между Румынией и Украиной в ракурсе взаимных территориальных споров и обоюдной обеспокоенности положением соплеменников в соседнем государстве. Показано, как внешне сдержанные декларации румынских официальных лиц в отношении Украины не соотносятся с реальными шагами по активной культурной «румынизации» западных областей Украины, а также массовому предоставлению румынских паспортов украинским гражданам, относящим себя к румынскому или молдавскому этносу. Анализируется новый этап политики Бухареста в отношении Украины после смены власти в Киеве в 2014 г., потери Крыма и развертывания войны в Донбассе. Делается вывод, что потепление румыно-украинских отношений носит ситуативный характер, ибо румынская сторона поддерживает Украину из-за собственных опасений перед российской политикой в этом регионе и, прежде всего, в отношении Республики Молдова, которая расценивается в перспективе как неотрывная часть самой Румынии.

Ключевые слова: Румыния; Украина; кризис 2014 г.; национальные меньшинства; территориальные споры; евроатлантическая ориентация; Россия.

Keywords: Romania; Ukraine; 2014 crisis; national minorities; territorial disputes; Euro-Atlantic orientation; Russia.

Хотя в 1997 г. между Румынией и Украиной был подписан Договор об отношениях добрососедства и сотрудничества, взаимоотношения двух стран на протяжении многих лет оставались очень сложными. Румынская политическая элита ментально не могла принять послевоенные границы своей страны. Часть территорий (Северная Буковина и частично Южная Бессарабия), которыми владела «Великая Румыния» в межвоенный период и где проживало значительное количество этнических румын, оказалась после распада СССР в новом украинском государстве. Ностальгия по потерянным территориям стала тем фоном, на котором строились взаимоотношения двух стран в посткоммунистический период.

Формально в отношении Северной Буковины и Южной Бессарабии румынская сторона никаких территориальных претензий не предъявляла. К тому же линия государственной границы между странами была

подтверждена в базовом соглашении 1997 г. Оставался, правда, нерешенным спор о разделе континентального шельфа в Черном море вблизи острова Змеиный, являющегося скалистой частью этого шельфа, богатого нефтью и газом. Бухарест ставил под сомнение легитимность принадлежности острова Украине и вообще квалификацию его как острова, а не скалы.

После длительного разбирательства 3 февраля 2009 г. Международный суд ООН вынес компромиссное решение, с которым стороны в целом официально согласились. Змеиный был квалифицирован как остров, на чем настаивала Украина, но 80% континентального шельфа, богатого углеводородами, отошло Румынии. Это решение вызвало неудовольствие и критику как румынских, так украинских комментаторов.

Граница между Украиной и Румынией вновь стала предметом разбирательства в 2010 г.: Киев обвинил Бухарест в намерении присвоить необитаемый остров Майкан в дельте Дуная. Позже украинские власти обвиняли Румынию и в самовольном расширении устья Дуная, чтобы переориентировать грузопотоки на свои порты.

Взаимные претензии Украины и Румынии выливались также в шпионские скандалы. Именно по этой причине не состоялся запланированный визит президента Траяна Бэсеску в Киев в 2009 г. Тогда из Румынии выдворили двух украинских дипломатов, обвинив их в разведывательной деятельности.

Вместе с этим на официальном уровне руководители обеих стран всегда выражали сдержанную готовность к урегулированию споров в ходе диалога, к поиску компромиссов и способов строительства взаимоотношений на добросердечной основе. К тому же Бухаресту была близка и симпатична евро-атлантическая ориентация Киева после прихода к власти администрации президента В. Ющенко. Украинская дипломатия в этой ситуации могла надеяться на поддержку Румынии в качестве дополнительной опоры своих западных устремлений. Действительно, Румыния прямо поддержала американскую идею о вступлении в НАТО Украины и Грузии на саммите Россия – НАТО, проходившем в Бухаресте 2–4 апреля 2008 г.

Но то была внешняя сторона политики Бухареста. Румынские СМИ и радикально-националистические круги политической элиты постоянно транслировали сожаление о сложном положении своих соплеменников в Украине. Официальный Бухарест также неустанно заявлял о недостаточном соблюдении прав национальных меньшинств в сопредельном государстве.

Украинские СМИ, в свою очередь, всегда изобиловали комментариями об опасной политической игре соседнего государства. Действительно, внешне уравновешенный дискурс не мешал Бухаресту проводить тихую «румынизацию» западных областей Украины, активно предоставляя румынские паспорта украинским гражданам, считающим себя или румынами, или молдаванами, что естественным образом вызывало раздражение в Киеве.

Всего, по данным переписи 2001 г., в Украине проживает 151,1 тыс. румын. Подавляющее большинство украинских обладателей румынских паспортов являются жителями Северной Буковины. По данным переписи 2001 г., 12,5% жителей этой области считают себя румынами. В Герцевском районе их процент составляет даже более 90, а в Глыбокском и Сторожинецком районах приближается к половине. 7,3% жителей Северной Буковины считают себя молдаванами (в Новоселицком районе области они составляют большинство). Среди последних также проводится активная работа по предоставлению гражданства Румынии. Учитывая, что Молдавия своей отдельной политики в этом отношении не ведет, усилия Бухареста дают определенный результат. В итоге румынскими паспортами обзаводятся не только «румыны», но и «молдаване».

В Украине такие действия расценивают как политический механизм распространения влияния Румынии, «тихую экспансию», цель которой – оторвать румын и молдаван Украины от украинской культурной среды. Невзирая на то что паспортная экспансия Румынии не находит поддержки в Брюсселе, а в Украине двойное гражданство запрещено, процесс продолжается.

Кроме этого Бухарест вкладывает значительные средства в гранты и образовательные программы, расширяя таким образом свое культурно-информационное присутствие в Украине. По переписи 2001 г., 92% румын, проживающих в Украине, признали родным языком румынский и только 6% – украинский.

Одним из проявлений политики «малых шагов» по распространению румынского влияния являются также попытки Румынской православной церкви внедриться на территорию Украины, часть которой канонически относится и к Украинской православной церкви Московского патриархата.

Это происходит при помощи Бессарабской митрополии Молдавии. Как и в Украине, в Молдавии православные приходы сегодня разделены между двумя патриархиями. Кроме православных приходов, находящихся под юрисдикцией Московского патриархата, действует так называемая Бессарабская митрополия, подчиненная Румынскому патриарху. Именно через Бессарабскую митрополию РумПЦ пытается создать свои приходы в Украине, как на юге Бессарабии, так и в Северной Буковине. Поскольку Румынская православная церковь во многих отношениях является государственной структурой, ее деятельность на территории Украины вызывает особое беспокойство в Киеве.

Так, главной темой дискуссии глав МИД обеих стран, состоявшейся в формате «Группы друзей Украины» в Брюсселе 18 июля 2011 г., стал инцидент на украинской границе, когда 16 июля украинские пограничники задержали группу румынских журналистов и представителей неправительственных организаций, направляющихся для участия в церемонии освещения румынской церкви в украинском селе Камышовка. Лишь после вмешательства генерального консула Румынии в Одессе большинству румынских граждан было позволено въехать на территорию Украины, двум же румынским журналистам въезд был запрещен, и они были отправлены обратно в Румынию.

Румынию в свою очередь беспокоит, что украинские националисты время от времени устраивают акции устрашения румын, проживающих на западе

Украины. В 2015 г. В Черновцах был открыт Румынский культурный центр «Eudoxiu Hurmuzachi», а в декабре 2017 г. члены украинской ультранационалистической организации «Национальный корпус» явились с угрозами в этот центр, вызвав страх и панику у посетителей Центра. Этот инцидент был предметом взаимного разбирательства на высоком уровне.

Взаимоотношения Румынии и Украины стали меняться по мере развертывания украинского кризиса 2014 г. Арманд Гошу, видный румынский политолог, советник Министерства иностранных дел по постсоветскому пространству в 2010–2012 гг., говорил в феврале 2014 г., вскоре после того, как Виктор Янукович покинул Киев: «Румыния должна произвести серьезный анализ 22-х лет своих отношений с Украиной… Мы рискуем показаться шизофрениками, если не пересмотрим свое поведение»[1].

И Бухарест пересмотрел свое «поведение», но не сразу. Первоначально, как отмечали комментаторы, румынское руководство выражало некоторую неопределенность в оценках украинского кризиса, что, возможно, объяснялось быстротой развертывания событий. Однако и в прошлом, замечал А. Гошу, румынское руководство демонстрировало осторожность в отношении ситуации в Украине. «Даже оранжевая революция в Киеве не повлияла на румыно-украинские отношения в лучшую сторону»[2].

В 2014 г. Румыния не была рядом со странами Веймарской группы[3], представители которой вели консультации с В. Януковичем для достижения согласия между властью и оппозицией. Румыния также не была рядом с Венгрией, Чехией и Словакией, которые сразу же признали временное правительство А. Яценюка.

20 февраля 2014 г. Траян Бэсеску, проявляя осмотрительность, призывал президента Януковича «не использовать армию для подавления уличных протестов, а силы правопорядка – не применять непропорционально серьезные средства в отношении манифестантов», лидеров же украинской оппозиции он призвал «отмежеваться от крайне радикальных групп, не поддерживать провокационные действия против сил правопорядка»[4].

А. Гошу делал предположение, что сдержанность румынского руководства могла быть обусловлена ожиданием выхода на некие неофициальные контакты с Москвой в связи с болевыми точками российско-румынских отношений: золотым запасом (переданным на хранение в Российскую империю в 1916 г. – *Прим. Т. Б.*), проблемой Приднестровья и Республики Молдова, «хотя это маловероятно»[5].

Бухарест стал демонстрировать абсолютную поддержку Киеву после того, как Россия присоединила к себе Крым. Тогда румынские аналитики объявили о «перезагрузке» румыно-украинских отношений[6]. Президент Траян Бэсеску еще до начала донбасских событий заявил, что Румыния готова принять украинских беженцев.

Румыния активно поддерживала своего соседа на международном уровне: она неоднократно заявляла в структурах НАТО о необходимости равновесия сил в Черноморском бассейне, где «после аннексии Крыма преобладает Россия». Когда 27 июня 2014 г. было подписано Соглашение об ассоциации Украины с Евросоюзом, Сенат Румынии одним из первых среди стран ЕС ратифицировал это соглашение. Румыния также предложила Украине воспользоваться ее положительным опытом по интеграции в Евросоюз и выразила готовность содействовать процессу реформ, требуемых процессом ассоциации Украины с ЕС. Выражением сближения двух стран стало подписание 2 октября 2014 г. в Киеве Соглашения о местном приграничном движении.

Особое значение имел визит президента Клауса Йоханниса в Киев 17 марта 2015 г. Тогда СМИ подчеркивали, что он является первым официальным визитом румынского лидера в соседнюю страну за последние семь лет. В знак примирения К. Йоханнис и П. Порошенко не только обменялись дружественными заявлениями, но и поделились планами на будущее. Румынский президент пообещал принять на лечение пострадавших украинских военных, а также поддержать предоставление Украине безвизового режима с Евросоюзом. Кроме того, стороны решили упростить пересечение границы, создав совместные пункты пропуска. В доказательство серьезности своих намерений президенты договорились возобновить деятельность совместной президентской комиссии.

Как и следовало ожидать, во время встречи с П. Порошенко К. Йоханнис заявил, что Румыния твердо стоит на позициях поддержки независимости и территориальной целостности Украины. В последующие годы румынский президент неустанно повторял, что главным во взаимоотношениях двух стран является всемерная поддержка суверенитета Украины и ее европейской ориентации. Таким образом, Румыния сделала важные шаги, как символические, так и практические, чтобы поддержать Украину в ее противостоянии с Москвой. «В результате, – отмечалось в румынских СМИ, – образ Румынии в глазах киев-

[1] Goşu A. În relația cu Ucraina, România s-a uitat spre trecut, iar Polonia spre viitor // CursDeGuvernare. – 25.02.2014. – Mode of access: http://cursdeguvernare.ro/ucraina-armand-gosu-in-relatia-cu-ucraina-romania-s-a-uitat-spre-trecut-iar-polonia-spre-viitor.html?fb_action_ids=822363311112730&fb_action_types=og.recommen

[2] Goşu A. Războiul Rusiei împotrivă Ucrainei. Cum se poziționează România? // CursDeGuvernare. – 02.03.2014. – Mode of access: http://cursdeguvernare.ro/armand-gosu-razboiul-rusiei-impotriva-ucrainei-cum-se-pozitioneaza-romania.html

[3] Веймарская группа быстрого реагирования, в состав которой вошли военнослужащие из Польши, Германии и Франции, была учреждена в Брюсселе 5 июля 2011 г.

[4] Apelul preşedintelui României, domnul Traian Băsescu, referitor la escaladarea violențelor din Ucraina // Facebook. – 20.02.2014. – Mode of access: https://ro-ro.facebook.com/PresedinteleTraianBasescu/posts/789493407730879

[5] Goşu A. Războiul Rusiei împotrivă Ucrainei. Cum se poziționează România? // CursDeGuvernare. – 02.03.2014. – Mode of access: http://cursdeguvernare.ro/armand-gosu-razboiul-rusiei-impotriva-ucrainei-cum-se-pozitioneaza-romania.html

[6] Schimbare la Kiev: nevoia unui reset în relația România-Ucraina. – Bucuresti, 2014. – 29 p.

ских политиков кардинально улучшился, улучшилось восприятие нашей страны и в публичном пространстве Украины»[1].

Но когда в 2018 г. Румыния организовала пышное празднование 100-летия «Великого объединения», украинские националисты Северной Буковины пытались омрачить этот румынский праздник провокациями. Официальный Киев, правда, проявил сдержанность в отличие от Венгрии, которая на государственном уровне отмечала в связи с этим День траура.

Несмотря на общее потепление отношений двух стран после 2014 г., по-прежнему не удается к обоюдному удовлетворению разрешить проблемы, связанные с правами нацменьшинств. В первую очередь речь идет о функционировании языков нацменьшинств.

Очередные трения между Румынией и Украиной имели место в связи с отменой 23 февраля 2014 г. украинского Закона «Об основах государственной языковой политики» от 3 июля 2012 г. Закон признавал понятие «региональные языки», что давало возможность официального двуязычия в регионах, где численность нацменьшинств превышает 10%. Согласно ему, румынский считался вторым официальным языком в двух украинских селах. Уже 24 февраля министр иностранных дел Румынии Т. Корлэцян выразил озабоченность по поводу отмены этого закона. Позиция Румынии оказалась тогда близкой к российской, венгерской и болгарской[2].

Еще более радикально языковая политика Украины проявилась в новой редакции Закона «Об образовании», вступившего в силу 28 сентября 2017 г. Документ предусматривает поэтапное запрещение использования в образовательной системе языков национальных меньшинств. Обучение на этих языках допускается только в дошкольных учреждениях и начальной школе. До принятия этого закона в Украине на румынском языке обучались примерно 16 тыс. учеников средней школы. Румыния заявила в связи с этим о нарушении прав нацменьшинств, президент Румынии Клаус Йоханнис отменил по этой причине запланированный визит в Украину.

Однако и по прошествии двух лет эта проблема румыно-украинских отношений в отношении языковой политики не разрешилась. Как сообщает румынский президентский сайт presidency.ro, во время встречи с В. Зеленским 25 сентября 2019 г. в Нью-Йорке К. Йоханнис не только выразил поддержку евро атлантических устремлений Украины, но и не преминул напомнить о беспокойстве, которое вызывает ее языковая политика. «Президент Румынии подчеркнул, что необходимо найти соответствующие средства для четкого, функционального решения проблем, вызванных Законом «Об образовании», принятым в сентябре 2017 г., который нарушает права лиц, принадлежащих к румынскому меньшинству в отношении образования на родном языке, ибо уровень и качество образования на румынском языке не должно ухудшиться»[3]. В противовес этому Йоханнис подчеркнул, что в Румынии делается все возможное для обеспечения прав и развития культуры нацменьшинств.

Тем не менее Украину, в свою очередь, беспокоит положение украинцев, проживающих в Румынии. Согласно переписи 2011 г., в Румынии проживают 51,7 тыс. украинцев, однако на сайте Посольства Украины в Румынии представлена другая информация. По альтернативным подсчетам Союза украинцев Румынии, в стране – около 200 тыс. граждан украинской национальности. Сайт считает необходимым также отметить: «Большинство этнических украинцев Румынии – это автохтонное население приграничных с Украиной уездов, которые раньше входили в средневековое государство Киевская Русь или Галицко-Волынское княжество»[4].

Как информирует нас упомянутый сайт, хотя в Румынии есть только одно учебное заведение с преподаванием на украинском языке – лицей им. Т.Г. Шевченко в г. Сигету-Мармацией, в некоторых румынских школах в районах компактного проживания украинцев украинский язык и литература преподаются как специальные предметы. При этом высшее образование по филологии на украинском языке можно получить в университетах Бухареста, Сучавы и Клуж-Напоки, где на факультетах филологии имеются украинские отделения.

Все это создает впечатление благоприятного положения украинцев в Румынии. Однако украинская пресса время от времени транслирует случаи недружелюбного отношения румын к украинскому сообществу, а также декларации националистического содержания в отношении украинцев со стороны некоторых румынских политических активистов. Официальный же Бухарест всегда подчеркивает, что Румыния является чуть ли не эталоном гуманного и разумного решения проблем совместного проживания нацменьшинств в отличие от государств-соседей.

Объясняя причины принятия столь радикального документа, как Закон «Об образовании» 2017 г., украинская сторона ссылалась на то, что, по данным переписи населения 2001 г., более половины румынского населения в Украине не владеет государственным языком. С тех пор, считают украинские эксперты, ситуация не улучшилась. При этом Румыния проводит культурные акции, направленные на то, чтобы проживающие в

[1] Evoluția spectaculoasă a relației dintre România şi Ucraina dupa ce Rusia a început agresiunea: de la înghețul neproductiv la implicarea decisivă în asigurarea securității cibernetice a Kievului // Hotnews. – 13.02.2015. – Mode of access: www.hotnews.ro/stiri-esential-19371471-evolutia-spectaculoasa-relatiei-dintre-romania-ucraina-dupa-rusia-inceput-agresiunea-inghetul-neproductiv-implicarea-decisiva-asigurarea-securitatii-cibernetice-kievului.htm

[2] С 2016 г. Закон «Об основах государственной языковой политики» находился на рассмотрении Конституционного суда. 28 февраля 2018 г. КС признал его не соответствующим основному закону. – *Прим. Т. Б.*

[3] Întrevederea bilaterală a Preşedintelui României, domnul Klaus Iohannis, cu Preşedintele Ucrainei, domnul Volodâmâr Zelenski, în marja segmentului de nivel înalt a celei de-a 74-a sesiuni a Adunării Generale a Organizației Națiunilor Unite // Preşedintele României. – 26.08.2019. – Mode of access: https://www.presidency.ro/ro/presedinte/agenda-presedintelui/intrevedere-bilaterala-cu-presedintele-ucrainei-domnul-volodimir-zelenski (accessed 03.12.2019).

[4] Minoritatea națională ucraineană din România // Ambasada Ucrainei în România. – Mode of access: https://romania.mfa.gov.ua/ro/ukraine-ro/ukrainians-in-ro

Украине молдаване тоже стали считать себя румынами. Действительно, на протяжении всего посткоммунистического периода в Украине отмечается тенденция к увеличению числа румын за счет молдавского населения. А наличие в определенном регионе 20% населения, относящего себя к национальному меньшинству, дает основание требовать создания национально-культурной автономии, что, естественно, не входит в планы Киева.

Украина в защите своего культурного пространства не ограничилась Законом «Об образовании». 16 июля 2019 г. вступил в силу Закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», который закрепил обязательное использование украинского языка в публичной сфере и ограничил возможность использования языков национальных меньшинств в СМИ. Все страны, имеющие компактные сообщества своих соплеменников в Украине, включая Румынию, выразили крайнюю обеспокоенность в связи с этим.

Всякое потепление отношений между странами-соседями нельзя не расценивать как факт положительный, но улучшение румыно-украинских отношений произошло не по взаимному благорасположению, а ввиду внешних обстоятельств. Этим обстоятельством стала российская политика в странах ближнего зарубежья, от которой в Румынии ждут новых сюрпризов и от которой рассчитывают защититься, опираясь на евро-атланические структуры. Таким образом, дружба с Киевом носит ситуативный характер и не исключает политики «румынизации» западных областей Украины.

В самой России всегда с подозрением относились к внешнеполитическим шагам Румынии на украинском направлении. На сайте «Военное обозрение» читаем: «Румыния никогда не отказывалась от территориальных претензий на Бессарабию и Северную Буковину, хотя в разные периоды своей истории предпочитала и не декларировать свои претензии публично»[1]. Эту позицию с наибольшей прямотой и непосредственностью выразил в 2014 г. приднестровский политический и общественный деятель А. Сафонов: «Противостояние Москвы и нынешнего Киева, вошедшее в активную фазу с 1 марта, создает для Румынии благоприятные условия по энергичному укреплению своих позиций на “утраченных землях”»[2]. Румыния, писал он далее, «стремится довести российско-украинское противостояние до максимальной точки кипения, чтобы исключить в обозримом будущем скоординированную политику России и Украины по противодействию геополитическим планам Бухареста»[3]. Однако более реалистично в этом отношении звучат слова профессора политологии Киево-Могилянской академии Алексея Гараня: «Румыния – страна ЕС, она не будет создавать здесь какие-то “народные республики”»[4].

На встрече К. Йоханниса с В. Зеленским, состоявшейся 25 сентября 2019 г. в Нью-Йорке во время 74-й сессии Генассамблеи ООН, оба лидера согласились с необходимостью активизации политического диалога на высшем уровне и углубления экономического сотрудничества.

Оценивая итоги состоявшейся 9 декабря 2019 г. встречи «нормандской четверки» в Париже, румынские комментаторы особо подчеркивали, что вопрос Крыма не был даже затронут, а вопрос границ рассматривался российской и украинской сторонами с противоположных позиций. Таким образом, «жизненно важные для Украины проблемы не были решены»[5].

Всякая информация из Украины об инцидентах или локальном ухудшении положения часто предваряется в румынских СМИ фразой «Опасность вблизи Румынии». Она присутствует также как особая словесно невыраженная интонация в оценке происходящих подвижек на пути преодоления украинского кризиса после парижской встречи «нормандской четверки».

---

[1] Военное обозрение. 6 апреля 2015.

[2] Сафонов А. Румыния интенсивно и одновременно играет на разобщение России, Украины и Приднестровья // Dniester. – 09.03.2014. – Режим доступа: http://dniester.ru/node/10047

[3] Ibid.

[4] Корба Г. Снова вместе. Российская агрессия заставила Украину и Румынию забыть старые ссоры // НВ. – 17.03.2014. – Режим доступа: http://nv.ua/publications/snova-vmeste-rossiyskaya-agressiya-zastavila-ukrainu-i-rumyniyu-zabyt-starye-ssory-39446.html

[5] Negocierile de la Paris nu aduc pace Ucrainei // Curs DeGuvernare. – 10.12.2019. – Mode of access: https://cursdeguvernare.ro/ negocierile-de-la-paris-nu-aduc-pace-ucrainei.html

РОЛЬ НОРВЕГИИ В ВОЕННОМ ПЛАНИРОВАНИИ НАТО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Филипп Трунов,
старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН

Аннотация. В статье сравниваются особенности союзнического военного присутствия на территории Норвегии в годы «классической» и современной холодных войн. Показываются характер и особенности процесса развертывания США своих войск в норвежской губернии Финнмарк. На примере учений «Trident Juncture 18» показывается выстраивание военно-логистических цепочек из Центральной Европы в Скандинавию. В этой связи исследуется вклад Германии в обеспечение безопасности Норвегии, сравниваются формы немецкого и американского вкладов. Показывается, как фактор союзнической военной помощи (со стороны США и Германии) учитывается Норвегией при разработке перспективного облика вооруженных сил. Делается вывод о причинах столь повышенного внимания к Королевству со стороны ведущих стран – участниц НАТО.

Ключевые слова: Норвегия; Арктика; НАТО; США; Германия.
Keywords: Norway; Arctic; NATO; USA; Germany.

Северный фланг Североатлантического альянса – в том числе входящие в него акватории Северного Ледовитого океана, – играл в планировании и детельности блока в годы «первых изданий» холодной войны важную, но отнюдь не первостепенную роль. Основные «раздражители» в Европе, приводившие к возникновению военно-политических кризисов в условиях противостояния НАТО и ОВД, располагались либо в центральной (прежде всего, на территориях Западной Германии, иллюстрацией чему стали первый (1948–1949) и второй (1961) Берлинский кризисы, кризис, связанный с размещением евроракет в конце 1970-х годов), либо в южной (проблема размещения ракет США в Италии и Турции как составная часть Карибского кризиса 1962 г.) частях Европейского континента. Соответственно, именно центрально- и южноевропейская группировки составляли основу ОВС НАТО на европейском ТВД; в то время как войскам на севере Европы отводилась существенно меньшая роль. Иллюстративен в этой связи следующий факт: с 1950-х годов на территории Турции, Италии и особенно Федеративной Республики Германии располагались значительные иностранные (имевшие статус союзнических по НАТО) военные контингенты, в то время как на территории Норвегии таковые отсутствовали.

Ситуация качественно изменилась в реалиях «нового издания» холодной войны как характеристики состояния отношений «коллективного» Запада и России с 2014 г., демонстрировавших стремительную взаимную утрату доверия. Удельный вес северного фланга НАТО в планировании и деятельности Организации резко возрос как в собственно военном, так и общеполитическом отношениях. При этом симптомы развития данной тенденции, с точки зрения автора, стали отчетливо проявляться еще до 2014 г. Каковы основные признаки увеличения значения северного фланга НАТО для блока? Уместно рассмотреть их, следуя от общеполитических к собственно военным.

Во-первых, можно говорить о так называемой «североевропейской эре» генеральных секретарей Североатлантического альянса: вслед за представителем Дании А. фог Расмуссеном (2009–2014) этот пост занял политик из Норвегии Й. Столтенберг (с 2014 г., в 2019 г. полномочия были пролонгированы до октября 2022 г.)[1]. На фоне растущих противоречий внутри Североатлантического альянса между США, стремящихся при администрации Д. Трампа к монетаризации трансатлантического партнерства, и европейских стран – участниц блока (прежде всего, Германии) по вопросам объема их вклада в его деятельность (как финансовом, так войсковом отношениях) показательно наличие широкого консенсуса по вопросу сохранения за Й. Столтенбергом поста генерального секретаря. Интересно, что в 2014 г. его кандидатура была изначально предложена именно бундесканцлерин А. Меркель – в том числе с целью выведения Й. Столтенберга из норвежской «большой политики» как меры поддержки вновь избранной премьер-министром Э. Сольберг[2] – и одобрена всеми остальными государствами-партнерами, включая администрацию Б. Обамы. Сам по себе этот факт показывает наличие повышенного внимания к Норвегии со стороны крупнейших держав НАТО как результат повышения ее геостратегической значимости, что подтвердило и переназначение Й. Столтенберга, становящегося «политическим долгожителем» на своем посту.

---

[1] Столтенберг останется генсеком НАТО на новый срок. 28.03.2019 // РБК. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/poitics/28/03/2019/5c9cecb99a7947441bf366c6 (дата обращения 19.02.2020).

[2] Von Misstrauen (bis) zur zuverlässigen Interessengemeinschaft. Eine Kontextualisierung der norwegischen Freundschaftspflege mit dem vereinten Deutschland. 2014 // BPD. Mode of access: http://www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/deutschlandarchiv/197834/eine-kontextualisierung-der-norwegischen-freundschaftspflege-mit-dem-vereinten-deutschland (date of access 19.02.2020).

Во-вторых, показательно появление иностранного военного присутствия на территории Королевства Норвегия. К 2017 г. в губернии Финнмарк – наиболее северной и примыкающей на востоке к границе с РФ – были размещены на ротационной основе две роты военнослужащих Корпуса морской пехоты США (330 солдат и офицеров), а в 2018 г. их количество более чем удвоилось (до 700 военнослужащих), т.е. до уровня неполной боевой тактической группы (БТГ)[1]. С момента развертывания военные США стали принимать участие в учениях, проводимых норвежской армией – прежде всего, ежегодных «Joint Viking»: так, в 2016 г. они проходили в губернии Трёнделаг (центральная часть Норвегии), а в 2017 г. – Финнмарке. В ходе учений, на которых визави контингента США были в основном подразделения бригады «Север» армии Норвегии, отрабатывались тактики боевых действий в субарктических условиях. Уникален следующий факт: на время проведения учений подразделения КМП США передавались под временное оперативное командование норвежских штабов[2]. Это весьма редкое для войск Соединенных Штатов явление объяснялось стремлением максимально оперативно и в наиболее полной форме перенять опыт Норвегии в области строительства арктических войск, которых в распоряжении Белого дома пока наблюдается крайне мало.

Показателен в этой связи и тот факт, что руководитель военного ведомства США Дж. Мэттис выразил благодарность норвежской стороне за согласие на размещение на своей территории ротационной военной группировки Соединенных Штатов. Это заявление идет вразрез с риторикой по вопросам сохранения (и тем более увеличения) военного присутствия США в странах Европы, характерной для администрации Д. Трампа. 45-й президент США тесно связывает решение данных вопросов с увеличением финансового (в том числе лоббируя экспортные интересы компаний ВПК США) и войскового увеличения вклада государств – партнеров по Альянсу в его деятельность. В случае Норвегии ничего подобного не наблюдается в принципе, хотя Королевство тратит на военные нужды меньше 2% от ВВП – показателя, установленного в качестве перспективной цели к 2024 г. на Уэльском саммите НАТО (2014). Так, в 2016–2018 гг. в относительном измерении уровень ежегодных военных расходов Норвегии колебался между отметками 1,54–1,62% от ВВП[3]. При этом по показателю объема расходов на одного жителя Королевства Норвегия прочно занимает второе место среди всех стран – участниц НАТО: в 2018 г. США тратили 1846 долл., Королевство – 1489 долл., а находящаяся на третьем месте Великобритания лишь 924 долл.[4] Однако, с точки зрения автора, не только и не столько это обстоятельство является причиной столь благожелательного отношения США – притом не только при администрации Б. Обамы, но и Д. Трампа – к Норвегии. Де-факто она является наиболее лояльным США союзником из числа арктических стран: отношения с Канадой напряжены из-за стремления Соединенных Штатов к интернационализации Северо-Западного прохода[5], к чему добавилась наблюдаемая растущая напряженность в отношениях Дж. Трюдо – Д. Трамп. В случае Дании «раздражителем» является «гренландский вопрос» – тем более что в 2019 г. своим стремлением купить остров у официального Копенгагена 45-й президент США перевел проблему из полулатентного (тлеющего) состояния в острое и открытое. На этом фоне сотрудничество с Норвегией, в том числе в вопросах перенимания опыта строительства вооруженных сил, является одним из важнейших элементов укрепления позиций США в Арктике.

Примечательно, что де-факто процесс развертывания ротационных сил КМП США в Финнмарке происходил хронологически параллельно и в тесной геостратегической и функциональной связи с наращиванием военного присутствия Соединенных Штатов в странах Восточной Европы (в рамках сил передового развертывания НАТО). Однако де-юре – на доктринальном уровне – эти два процесса не связываются воедино, что показывает анализ итоговых документов саммитов Североатлантического альянса (Варшавского (2016); Брюссельского (2018)). Тем самым США лишний раз подчеркивают особую значимость отношений с Норвегией.

Удельный вес во внешней политике и ценность Королевства растет не только в случае с США, но и других стран – участниц НАТО – в частности ФРГ, последовательно стремящейся к усилению своих политико-военных позиций как на региональном (Евро-Атлантическое сообщество), так и глобальном уровнях.

В данной связи показательны учения «Trident Juncture 18», собственно войсковая фаза которых проводилась практически на всей территории Норвегии с 25 октября по 7 ноября 2018 г. с участием 50 тыс. военных, 250 самолетов, 65 кораблей и 10 тыс. единиц наземной техники из состава ВС 31 страны – участницы и партнера НАТО[6]. До этого применительно к «новой» холодной войне крупнейшими (с участием 31 тыс. военнослужащих) являлись учения НАТО «Anakonda 16», проходившие в основном в западных воеводствах Польши в июне 2016 г. с целью отработки мер по нейтрализации возможностей РФ по реализации

[1] Мэттис поблагодарил Норвегию за готовность разместить у себя 700 морпехов США 14.07.2018 // ТАСС. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5374440 (дата обращения 19.02.2020).

[2] Joint Viking 2017. 14.12.2016 // Forsvaret. Mode of access: https://forsvaret.no/en/exercise-and-operations/exercises/joint-viking (date of access 19.02.2020).

[3] Defence Expenditure of NATO Countries (2011–2018). Commini-que PR-CP (2019) 03. – Brussels: Public Diplomacy Division, 2018. – P. 8.

[4] Ibid.

[5] Морской путь через Северный Ледовитый океан вдоль северного берега Северной Америки через Канадский Арктический архипелаг.

[6] Military Exercises Trident Juncture 18. 26.10.2018 // NATO. Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_158620.htm?selectedLocale=eng (date of access 19.02.2020).

A2/AD. Данную направленность имели и учения «Aurora 17» (свыше 20 тыс. военнослужащих), формально являвшиеся военно-тренировочными мероприятиями условно нейтральной Швеции с участием ряда стран – участниц НАТО (прежде всего, США и Франции). Тенденция переноса вектора наиболее масштабных учений на Скандинавский п-ов из Восточной Европы, проявившаяся в 2017–2018 гг., отчетливо показала растущую значимость северного фланга НАТО в ее военном планировании.

На этапе подготовки учений «Trident Juncture 18» было отработано выстраивание военно-логистических цепочек – прежде всего, соединяющих Норвегию с Германией (а также Великобританией). Показателен масштаб участия бундесвера в «Trident Juncture 18»: до 8,8 тыс. военнослужащих и 4 тыс. единиц техники, причем они перевозились комбинированным (с привлечением 50 транспортных самолетов, 13 транспортных судов и использованием ж/д до портов погрузки и после выгрузки[1]) способом. Помимо использования двух логистических батальонов ставился вопрос о временной передислокации в Норвегию военно-логистического управления бундесвера (!). Его части сыграли самую активную роль в действиях сильной контрударной группировки (41-я мотопехотная бригада бундесвера стала «ядром» бригады сверхповышенной боевой готовности сил быстрого реагирования[2] – их «острия копья»). Тем самым ФРГ продемонстрировала готовность оказать Норвегии военную помощь альтернативным США (размещение ротационных сил) путем – посредством использования отлаженной военно-логистической цепочки.

В целом учения «Trident Juncture 18» стали первым в истории НАТО военно-тренировочным мероприятием уровня усиленный корпус – армия, проводимым межвидовой по своему характеру группировкой в приарктических условиях. В этой связи «Trident Juncture 18» уместно признать одной из форм асимметричного ответа на укрепление военных позиций РФ в Арктическом регионе.

Фактор растущей готовности партнеров Норвегии по НАТО в оказании ей значительной военной помощи в полной мере учитывается Королевством при разработке планов строительства вооруженных сил. Причем следует подчеркнуть, что эта тенденция стала наблюдаться как минимум с 2014–2015 гг., т.е. еще до (!) фактического учреждения военного присутствия КМП США в Финнмарке (2017) и тем более проведения учений «Trident Juncture 18». Чем объясняется это противоречие? По всей видимости, США, а также ряд других стран – участниц Североатлантического альянса (прежде всего, Великобритания и Германия) посылали официальному Осло отчетливые «сигналы» о своей готовности внести вклад в выстраивание системы обороны Королевства в условиях начавшегося стратегического ухудшения отношений между «коллективным» Западом и РФ. Косвенное подтверждение тому – уже отмеченные факты инициирования Германией и поддержки Соединенными Штатами Америки выдвижения Й. Столтенберга на пост генерального секретаря НАТО (вступил в должность 1 октября 2014 г.).

Согласно опубликованным в 2015 г. контурам перспективного облика вооруженных сил Норвегии, к 2024 г.:

– должны быть сохранены и наращены возможности надводного флота (фрегаты), предназначенные для действий в зоне Северного Ледовитого океана[3]. Действительно, эта компонента ВС Королевства сыграла заметную роль в проведении учений «Trident Juncture 18», Норвегия продолжает инициировать проведение совместных учений. Помимо ВМС США и Великобритании в них самое активное участие принимает 2-я оперативная флотилия бундесвера – прежде всего, боевые корабли из состава 2-й и 4-й эскадр фрегатов[4], – предназначенная для использования на просторах Мирового океана, в том числе в арктических акваториях. Примечательно также, что в документах военного планирования не были окончательно определены перспективы развития подводного флота. Детализация была осуществлена лишь к началу 2020-х годов: норвежское правительство приняло решение о закупке серии (4 единицы) подводных лодок проекта 212А[5], производимых в ФРГ и обладающих отличными технико-техническими характеристиками (прежде всего в смысле малошумности). В перспективе это сотрудничество может привести к созданию совместного германо-норвежского соединения подводных лодок – аналога подобного механизма у европейских стран – участниц НАТО пока нет;

[1] Trident Juncture 2018: Die logistische Rückführung. 16.11.2018 // BMVg. Mode of access: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe/!ut/p/z1/hY_NCoMwEITfyI2KSXo0SIs0aOm_uZSgwVpsIiGVHvrwjRS8SfcwsDO737Ig4ApCy7FrpeuMlr3vK4FvjPIjj1ZRxE8UoZwXtEwiFCIawxku_0aEj9FCpQgOjYLKM8gio8RwAAGiUUFttHKTOqVd57W10hkbDMa6fkpe1vok6BqoUJixkMynwg_D203MMSFZzvYT8CFH-Z53ZT09DdVd6qZXO1OnP2N4rmlRJO0XRxWM9Q!!/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922LU800ILN8O52010O6 (date of access 1.11.2019).

[2] Trident Juncture: Ein starkes Signal der NATO. Rena, Norwegen, 12.11.2018 // BMVg. Mode of access: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe/!ut/p/z1/hY_NCoMwEITfyE1SatKjIoIQtNT-mUsJJliLTSSk0kMfvpGCN-keBnZm91sWBFxBGDn1nfS9NXIIfSPiW8r4kZMdIfzEECp4yaotQRixDZzh8m9EhBitVIKgVhqawKCrjCqGGgQIpaPWGu1n9dr4PmjnpLcuGq3zw5y8nAtJ1CtoEM5STJdT-JPGeZYQSmlWpIcZ-JCTfC-7sp2fhuYujRr03rbJzxifOSvLbfcFcVJpnA!!/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922LU800ILN8O52010O6 (date of access 1.11.2019).

[3] Norwegian Armed Forces in transition (2015). Strategic Defence Review by the Norwegian minister of Defence. – Oslo: Ministry of Defence. – P. 15, 24.

[4] Flugkörper-Schießen: «Lübeck» und «Sachsen» testen ihre Waffensysteme. 19.06.2018 // BMVg. Mode of access: https://www.bundeswehr.de/de/flugkoerper-schiessen-luebeck-und-sachsen-testen-ihre-waffensysteme-82414 (date of access 1.12.2019).

[5] Deutsch-norwegische Kooperation: «U36» läuftaus. 24.01.2019 // BMVg. Mode of access: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/deutsch-norwegische-kooperation-u36-89960 (date of access 1.12.2019).

– рост потенциала сил специального назначения, также предназначенных для активного использования на просторах Арктики[1];

– при этом планировалось существенное сокращение сил общего назначения: количество тяжелых батальонов в 2015–2024 гг. должно уменьшиться с 5 (4+1[2]) до 3 (2+1)[3]. Особо следует обратить внимание на планируемое расформирование управления единственной в Норвегии наземной бригады «Север» (дислоцирована в основном в губернии Финнмарк)[4].

О чем это свидетельствует? Обладая скромными людскими ресурсами (численность норвежской армии находится на отметке в 20–21 тыс. военнослужащих, и вряд ли резко возрастет[5]), Норвегия стремится максимально нарастить ударные компоненты для действий в Арктике, сокращая ради этого все остальные войска. Столь глубокая трансформация вооруженных сил Королевства отвечает интересам США и Германии в не меньшей степени, чем самой Норвегии. И именно опираясь на фактор уверенности в их военной помощи, официальный Осло декларировал столь значительные перемены: сокращаемые силы общего назначения должны быть замещены союзническими контингентами. В частности, место подлежащего расформированию батальона в Финнмарке уже де-факто занимает эквивалентная по численности ротационная группировка КМП США.

Это иллюстрирует то исключительное внимание, которое уделяют развитию военно-политических отношений с Норвегией ведущие страны – участницы НАТО. В чем причина подобной политики? К началу 2020-х годов страны – участницы НАТО, не имея атомного ледокольного флота и значительных по численности арктических войск, реализуют стратегию «действий вдогонку» РФ, при этом частота и масштаб прилагаемых усилий существенно возросли. Что касается северного фланга Альянса, то его роль в военном планировании НАТО будет лишь возрастать.

---

[1] Norwegian Armed Forces in transition (2015). Strategic Defence Review by the Norwegian minister of Defence. – Oslo: Ministry of Defence. – P. 15, 24.

[2] Первое слагаемое в сумме – показатель батальонов общего назначения, второй – разведывательных. – *Прим. авт.*

[3] Norwegian Armed Forces in transition (2015). Strategic Defence Review by the Norwegian minister of Defence. – Oslo: Ministry of Defence. – P. 15, 24.

[4] Ibid.

[5] Expenditure of NATO countries (2012–2019). – Press Release. Communiqué PR/CP (2019) 069. 25 June 2019. – P. 12.

Бюллетень публикуется Отделом проблем европейской безопасности Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:
Академик В.Г. Барановский
Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин
Д-р полит. наук Д.В. Ефременко
Д-р полит. наук А.И. Никитин
Канд. ист. наук А.В. Загорский
Главный редактор – канд. ист. наук Т.Г. Пархалина
Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

www адрес:
http://www.inion.ru/index.php?page_id=487

всего выпусков: 71 (на конец 2019)

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77–2172